

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
АКАДЕМИЯ НАУК
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ

1917–2017 гг.:
УРОКИ СТОЛЕТИЯ
ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТОВ

Сборник научных материалов

Воронеж 2016

Печатается по решению Ученого совета
факультета журналистики ВГУ

Составитель:
доктор филологических наук В. В. Тулупов

1917–2017 гг.: уроки столетия глазами журналистов. – Во-
ронезж : Факультет журналистики ВГУ, 2016. – 79 с.

В сборнике представлены научные материалы исследований
по истории журналистики (в авторской редакции).

Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета
2016

Вместо предисловия

Секция «1917–2017 гг.: уроки столетия глазами журналистов» впервые состоится в рамках Митрофаньевских чтений, традиционно проходящих в Воронеже. У историков журналистики накопилось немало вопросов для обсуждения, часть из которых была опубликована в информационном обращении к коллегам: Какова роль отечественных СМИ в отражении «истории современности»? В какие периоды отечественной истории СМИ наиболее адекватно отражали текущую действительность? Можно ли извлечь из прошлого уроки для настоящего и будущего? Какие предостережения, уроки, рецепты заключены в российском прошлом для нас? Почему так широк диапазон разнообразных оценок российского прошлого? Почему одни этапы прошлого оцениваются сугубо критически, а другие апологетически? Какие традиции следует возрождать и брать за основу для успешного развития современного российского реформаторства? Каковы современные возможности для объективного и обстоятельного извлечения уроков российской истории?

Очевидно, что в рамках локального форума исследователей массмедиа не найти окончательные ответы на столь важные и животрепещущие вопросы, но привлечь внимание к обозначенной проблематике вполне возможно. В сборнике представлены различные – порой идеологически противоположные – мнения, что, на наш взгляд, отражает современное положение нашей гуманитарной сферы. В своем недавнем интервью писатель и публицист Юрий Поляков сказал следующее: «Увы, мы имеем несовместимость современных версий почвенничества и западничества, которые были едва ли не главными для российских и советских литературных традиций. Но если прежде Герцен и Достоевский, Распутин и Аксёнов всегда были рядом и не мешали друг другу жить, то сегодня «противоречия между ними резко углубились. Вышли на уровень просто генетической вражды».

Тем не менее диалог возможен, более того – необходим. В русле этих размышлений и вспомнилась газетная статья Вита-

лия Третьякова «Великая журналистика»¹, которую составитель посчитал уместным воспроизвести полностью:

«Странная вещь – время.

100 последних лет русской журналистики (XX век) – это вроде бы много.

Между тем я, например, окончив в 1976 году журфак МГУ, работаю в этой журналистике, получается, без малого четверть века – значимая величина!

Не буду углубляться в разнообразные исторические изыскания. Отмечу только два момента.

Теоретически в России может найтись журналист, который, начав работать в дореволюционной печати, заканчивал свою карьеру, пусть и стариком, в печати демократической, то есть нынешней.

И второе. Даже я сам могу оценивать едва ли не половину истории русской журналистики прошедшего столетия – ибо брежневская журналистика во многом наследовала родовые черты сталинской (особенно на последнем этапе «эпохи застоя»), а первые годы журналистики горбачевской – очевидная, даже по многим действующим лицам, калька хрущевской.

Итак, для меня самая логичная периодизация русской журналистики XX века фактически совпадает с датами правления «вождей».

Период первый – дореволюционный (никалаевским его все-таки не назовешь). В нем два течения: большевистское (его мы неплохо знаем по университетскому курсу) и меньшевистское – от демократической до монархической журналистики. И с этим, хоть и не без изъятий, мы знакомы. Хотя бы благодаря тому, что практически все крупнейшие писатели России в начале века писали для газет. А классиков у нас издавали (почти всех и почти полно).

Второй период – ленинский, известен нам, Ленина читавшим, почти до тонкостей, ибо сам Владимир Ильич, безусловно крупнейший русский журналист XX века (это без всякой иронии), активно цитировал в своих статьях и тексты своих оппонентов.

---

¹Независимая газета, 18.10.2000.

Третий период, естественно, сталинский, возродившийся отчасти, как я уже отмечал, при позднем Брежневе. Далее четвертый период – хрущевский, пятый – брежневский, шестой – горбачевский (имеет еще название «гласность», повторяя, кстати, этим названием то, что было в нашей журналистике после революции 1905 года). И последний в XX веке, седьмой период – позднегогорбачевско-ельцинский, или собственно демократический.

Цикличность, повторяемость – налицо. И налицо же максимальная, прямая и фундаментальная зависимость истории и содержания нашей журналистики от политических режимов, сменявших друг друга в стране.

Следствием является то, что практически каждый русский журналист на своем профессиональном веку, который короче века хронологического, вкусил и прелестей свободы слова или хотя бы гласности либо оттепели, и тягот цензуры. То есть русский журналист – это, безусловно, универсальный тип журналиста: он не растеряется и при демократах, и в узилище авторитаризма.

Какие выводы отсюда следуют? Разные – каждый легко может сделать их сам.

Кроме того, русская журналистика крайне беллетризирована. В советские времена вообще считалось, что лучший журналист – это член Союза писателей. Так считали прежде всего сами журналисты.

Беллетризованность нашей журналистики определяется двумя причинами. Во-первых, русская журналистика родилась практически одновременно с русской литературой (в современном смысле этого слова) – в конце XVIII века. И весь XIX и в начале XX века почти все крупнейшие писатели России были одновременно и журналистами, редакторами, издателями.

Вторая причина – цензура. Поскольку весь XIX век и большую часть XX русские журналисты писали в условиях цензуры, они вынуждены были соревноваться не столько в оперативности, эксклюзивности новой информации и силе аргументов, сколько в литературной форме и умении владеть эзоповым языком (чистая литература!).

Беллетризованность русской журналистики XX века – не порок, а имманентное ее свойство. Мы никогда не научимся работать «по-западному». И думаю, это хорошо. Это – национальный характер.

Еще одна группа качеств нашей журналистики, отточенных XX веком, связана с тем, что в многочисленные периоды «революций», «гласности», «оттепели» и «демократизаций» в русскую журналистику (как и в политику) массово приходили неопиты (или профаны), безответственные и самонадеянные. А «реакция», «заморозки» и тем более «цензура» и «авторитаризм», не говоря уже о «тоталитаризме», откалибровывали когорту безынициативных (в профессиональном смысле) и осторожных журналистов.

Наконец, частая смена режимов приучила нашу журналистику к излишней «гибкости» и сервильности (в этом русские журналисты – достойные члены более широкого племени русских интеллигентов). У других наших журналистов, впрочем, та же самая причина выработала как раз не «гибкость», а напротив – «упертость», отсутствие желания и умения не только понимать логику другого, но даже и просто спокойно выслушивать иную точку зрения. Самые свободные в один период оказывались самыми идеологизированными в другой. Ярчайший пример – трансформация журналистов-диссидентов советского периода при Ельцине.

Все сказанное, казалось бы, приговор русской журналистике XX века. А на мой взгляд – уникальное лицо, делающее нашу журналистику одной из самых интересных в мире.

Я уверен, что это так.

Кроме того, мало где еще журналистика столь непосредственно влияла на политический процесс, как в России. Здесь, правда, тоже есть немало нюансов, но обо всем не скажешь.

Словом, русская журналистика XX века – великая мировая журналистика. Не хочу называть примеры из последних десятилетий, но не удержусь от того, чтобы не закончить этот очерк списком имен первой половины века:

Ленин, Троцкий, Плеханов, Бухарин, Горький, Булгаков, Гиллярковский, Дорошевич, Бурцев, Короленко...

Это только 10 имен, только 10. Но какие! И лишь в пределах самого начала века.

Великая журналистика, великая!

И мы ее продолжили в конце века. И тоже кое-что сделали».

Составитель

*Наиля Байбатырова,
Астрахань*

Проблемы российской истории в публицистике русских эмигрантов второй половины XX века

Авторы русского зарубежья второй половины XX века активно обсуждали вопросы истории, которые актуальны и в современном мире. Представители русского зарубежья интерпретировали события 1917 года в России, большевизм, советский государственный строй, рассуждали о будущем покинутой страны. Несомненный интерес представляет интеллектуальное наследие бывших диссидентов, уехавших из Советской России в 1970-х – 1980-х годах. Цель исследования – рассмотреть и проанализировать разнообразие политических оценок, содержащихся в публицистических трудах лидеров третьей русской эмиграции, попытаться осмыслить их вклад в развитие отечественной социально-политической мысли.

Во второй половине 1960-х – 1970-х годов возобновились дискуссии авторов русской эмиграции о перспективах развития коммунистической власти в Советской России. На страницах русскоязычной прессы за рубежом также разгорелись идейно-политические дискуссии о государственном строе и путях преобразования страны. В среде русского изгнания появились многообразные мнения о характере и перспективах государственного строя, о его отличии от существовавших и существующих общественно-политических систем. Большинство публицистов подчеркивали, что советская общественно-политическая система могла держаться исключительно на принуждении и насилии, на подавлении всякой духовной оппозиции. Главная идея публицистических выступлений В. П. Аксенова, В. Е. Максимова, А. Д. Синявского была основана на мысли, что в Советской России господствует комбинация полицейского режима с партийной диктатурой. Они разоблачали насилие и ложь, планомерность политического и духовного террора, эко-

8

номическое всемогущество государства и искусственно поддерживаемую изоляцию от внешнего мира.

Авторы русской эмиграции сосредоточили свое внимание на анализе и осмыслении трагического опыта русской революции как «опыта всемирного», прогнозировании дальнейших путей развития страны, перспектив ее национального возрождения. В силу многих причин авторы русского зарубежья не могли быть совершенно беспристрастны при оценке исторических событий прошлого. При всем многообразии политических интересов и взглядов русская эмиграция никогда не переставала чувствовать себя составной, неотъемлемой частью России и ее судьбы. А. Д. Синявский, В. П. Аksenov, А. И. Солженицын, В. Е. Максимов в публицистических произведениях пытались объяснить роль страны во всемирной истории, взаимоотношения России с ближними и дальними соседями.

Так, один из самых известных эмигрантов «третьей волны» А. И. Солженицын неоднократно обращался к проблемам русско-украинских отношений. От анализа национальных особенностей России он переходил к выводам и оценкам современной ему действительности. В обращении участникам конференции по русско-украинским отношениям в Торонто (Гарвардский Украинский исследовательский институт) в апреле 1981 года А. И. Солженицын высказывался в пользу необходимости обсуждения и мирного урегулирования конфликтов между народами. «Я совершенно согласен, что русско-украинский вопрос – один из важнейших современных вопросов, и во всяком случае решительно важен для наших народов. Но я считаю губительным тот накал страстей, ту температуру, которая вокруг него вздувается» [10; 276]. Данная тема неоднократно становилась главенствующей в статьях, выступлениях, открытых письмах, обращениях писателя русской эмиграции. Особенно остро она стала обсуждаться в перестроечный период и накануне развала Советского Союза. В обширной статье «Как нам обустроить Россию» [9], изданной в формате самостоятельной брошюры в 1990 году, А. И. Солженицын выступает как поли-

тический эксперт, планомерно рассчитавший механизмы отделения двенадцати союзных республик.

В 1980-е годы все чаще авторы русской эмиграции анализировали современные им социально-экономические преобразования в покинутой ими России через призму исторических событий. Революционные преобразования, пережитые страной в начале века, привлекали внимание русских эмигрантов «третьей волны», они рассматривали проблемы соотношения реформ и революций, писали о социальной цене за крупномасштабные трансформации в стране. А. А. Зиновьев «не раз заявлял, что революция породила нужду в идеологии, во-первых, с целью легитимизации положения руководства и, во-вторых, для мобилизации населения и направления его по определенному пути» [5; 276]. Несомненной заслугой автора была разработка оригинальной историософской и социологической концепции, стремившейся отразить и сложность, и своеобразие русской национально-государственной проблемы.

Особая тема для писателей и публицистов третьей русской эмиграции – советский государственный строй, политическая система советского коммунизма, а также тенденции и перспективы развития коммунистической власти в России. В 1980-х годах, и особенно в перестроечный и постперестроечный период, эмигранты, следящие за происходящими на покинутой родине реформами, обратились к проблемам будущего России. А. А. Зиновьев предрекал страшные последствия «перестройки» для страны. В 1988 году в интервью, данном американскому ученому-слависту Дж. Глэду в Мюнхене, он говорил: «Пройдет несколько лет, и, если Горбачев удержится у власти, весь мир увидит, что на самом деле скрывается под этой гласностью, либерализацией, демократизацией и т. д.» [2; 248].

Свое принципиальное отличие от других авторов русского зарубежья А. А. Зиновьев видел в том, что его труды посвящены не политике, а социологии. «Солженицын пересматривает историю, пытаясь переделать историю. Я этим не занимаюсь. Творчество Солженицына направлено в прошлое. Мое творчество направлено в будущее», – признавался

он [2; 251]. Один из социологических романов А.А. Зиновьева «Русский эксперимент» [4] был написан в 1995 году. Под экспериментом понимался опыт построения коммунистического общества. В произведении ощущается тоска по национальной идее: «Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое» [4; 12].

Одиозный автор русского зарубежья – лидер национал-большевистской партии, писатель и публицист Э. Лимонов посвятил немало книг, статей проблемам российской истории. «Жгучий комплекс неполноценности заставляет современного человека с энтузиазмом ревизионировать прошлое, и Великую Эпоху в частности. Ей вменяют в вину обилие крови и трупов. Что ж, одни эпохи напоминают трагедии, другие – оперетты», – пишет Э. Лимонов в предисловии к документальной книге «У нас была Великая Эпоха» [7; 14]. Главы произведения наполнены историями семьи автора и реалиями советского времени.

Таким образом, опыт политического анализа русского зарубежья с самого начала отличался большим разнообразием, наличием подчас противоположных и даже противоборствующих тенденций, никогда не был статичным. На развитие и эволюцию эмигрантской политической мысли существенное влияние оказали события, происходившие во второй половине XX века в Советской России: смена тоталитарного режима периодом «оттепели», долговременный застой и, наконец, реформы периода «перестройки». Идеи и взгляды русских эмигрантов «третьей волны» принципиально важны для осмысления исторического пути России.

Список литературы

Антропов О. К. История отечественной эмиграции: учебное пособие / О. К. Антропов. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011.

Глэд Джон. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье / Д. Глэд. – Москва : Книжная палата, 1991.

Зиновьева О. М. Александр Зиновьев: творческий экстаз / О. М. Зиновьева.

вьева // Александр Александрович Зиновьев / под ред. А. А. Гусейнова. – Москва : РОССПЭН, 2008. – С. 160-211.

Зиновьев А. Русский эксперимент / А. Зиновьев. – Lausanne : L'Age d'Homme, 1995.

Кирквуд М. Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева / М. Кирквуд // Александр Александрович Зиновьев / под ред. А. А. Гусейнова. – Москва : РОССПЭН, 2008. – С. 271-307.

Лимонов Э. Как мы строили будущее России / Э. Лимонов. – Москва : Яуза, 2004. – 512 с.

Лимонов Э. У нас была великая эпоха / Э. Лимонов. – Санкт-Петербург : Амфора, 2003.

Лимонов Э. Фальшивая демократия, фальшивая революция / Э. Лимонов // Литературная газета. – 1991. – № 41 (16 октября). – С. 5.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения / А. Солженицын. – Москва : Правда, 1990.

Солженицын А. И. Конференции по русско-украинским отношениям (апрель 1981) / А. И. Солженицын // А. И. Солженицын. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967-1974; На Западе. 1974–1989. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – С. 276-280.

Октябрь 1917 г. в публицистике А. И. Куприна

1917 год, ставший для России историческим переломом, разделил жизнь А. И. Куприна на два части. В дореволюционный период писатель сочувствовал революционным идеям, верил в революцию как в «целительное снадобье». Но уже с февраля 1917 г. заметна эволюция его взглядов. Куприн приходит к выводу, что революционные преобразования неуклонно ведут страну к государственной и духовной катастрофе.

Не приняв новую власть, хотя и попытавшись поначалу с ней сотрудничать (участвовал в деятельности организованного М. Горьким издательства «Всемирная литература», обсуждал с В. И. Лениным проект выпуска газеты для крестьян, который так и не был осуществлен), он оставил родину с отступающими частями Белой армии. Ревель, Хельсинки, Лондон, Париж – такова география его эмигрантской жизни.

Антибольшевизм Куприна был осознанным выбором, и газетно-журнальная работа стала для него в эмиграции важнейшей гражданской и творческой потребностью. Сменив, по меткому выражению Саши Черного, «кисть художника на шпагу публициста» [2; 353], он активно сотрудничал во многих изданиях русского зарубежья. В статьях и очерках Куприн четко формулировал взгляды на Октябрьскую революцию. Прежде всего он пытался ответить на вопрос, волновавший всех эмигрантов: «Как объяснить Октябрьскую революцию?». По мнению Куприна, это «нелепый и гибельный эксперимент» [1; 188], так как к 1917 году Россия была ослаблена мировой войной, ее социальный организм был физически и психически болен. В своих публикациях он показывал, что армия разложилась изнутри, поскольку Февральская революция настроила солдат против офицеров. «Позорный» Брестский мир привел, по мнению публициста, к тому, что «из-под ног последнего храброго и честного солдата они (большевики. – С. Г.) вырвали един-

ственную прочную доску – представление о Родине, оплевав, осмеяв, растоптав это имя» [1; 41]. Подлейший лозунг «грабь награбленное» уничтожил в одичавших на войне солдатах «последние остатки справедливости, долга, чести, стыда» [1; 41]. То, что «зовут в Европе великой, бескровной русской революцией» [1; 164], для Куприна – бессмысленная, кровавая бойня.

Анализируя причины русской катастрофы, он приходит к выводу, что русский национальный характер сам по себе отчасти явился благоприятной почвой для большевизма. В статье «Голос друга» он отмечал, что «рабство, возведенное в государственную систему, <...> послужило, как лучший навоз, для того, чтобы на русской земле так буйно расцвел ядовитый дурман большевизма» [1; 89].

Подобная мысль развивалась Куприным и в статье «Капитаны Тушины», в которой он утверждал, что герой романа Л. Н. Толстого «Война и мир» является самым верным типом русского героя, концентрируя в себе положительные черты национального характера: «Тут и простота, и мечтательность, и врожденный стыд перед громкой фразой или красивым жестом, и полнейшая неспособность к оценке собственного подвига» [1; 149]. Куприн отмечал в герое толстовского романа и отрицательные стороны русского национального характера: «смирение, робость, рабская покорность – проклятая школа коронованных и некоронованных Держиморд – уродливая школа, породившая, в силу исторического закона противодействия, другое уродство – русский большевизм» [1; 149].

Одну из причин русской трагедии Куприн видел в отсутствии исторической памяти, забвении традиций на родине. В статье «Нация» он с горечью замечал: «Плевали мы на свое историческое прошлое, на светлую память своих праведников, на своего кормильца – великий русский народ, на свое национальное достоинство, стыдясь и высмеивая его» [1; 127].

Публицист также пытался понять, кто такие большевики и почему они победили. Он считал, что они смогли остаться у власти, благодаря, с одной стороны, апатии и усталости большинства населения, а с другой – своему намеренному обраще-

нию к таким низменным инстинктам, слабостям и порокам людей, как властолюбие, жестокость, лень и зависть. Куприн показывал, что это было обращение не к сердцу, а к брюху человека. Поэтому, по его мнению, Октябрьская революция явилась шагом назад в развитии человечества

Заметно, что Куприн-публицист крайне редко обращался к разговору о марксизме-ленинизме. Он не считал русский большевизм ни учением, ни партией. Для него «это только метод, только способ действия, только средства, давно потерявшие связь с целью, которая должна была их оправдывать» [1; 40]. Куприн показывал страшные методы новой власти в России – ложь, цензура, ночные обыски, убийства. По его мнению, институт жандармов большевики заменили «чрезвычайкой», эксплуатацию человека человеком превратили в принудительный труд, а царское самодержавие – в диктатуру большевистской партии.

Публицистика А. И. Куприна периода эмиграции – это активный протест против Советской власти, против кошмаров советской действительности, «перед которыми бледнеют сумасшедший дом, каторга, тифозный бред и сама преисподняя» [1; 232]. Куприн жестко оценивал новую власть в России, большевики для него шайка «заведомых убийц, сутенеров и мошенников, самозванно именующих себя русским правительством» [1; 120]. В статье «Египетская работа» он утверждал, что «большевики вывернули наизнанку все устоявшиеся человеческие понятия и нормы. Рассчитали Бога, собственность и родину» [1; 127]. Происходящее в России представлялось ему в виде «мутно-грязного, кровавого девятого вала» [1; 100].

Как и большинство публицистов русского зарубежья, А. И. Куприн активно обсуждал пути избавления родины от большевизма. Во-первых, он был уверен, что «большевизм будет иметь жизненную силу до тех пор, пока с ним будут воевать» [1; 23]. По его мнению, в мирное время конфликт между большевиками и населением страны должен обостриться. Основаниями для подобного утверждения были сведения из России о многочисленных протест-

стах против принудительного труда, дезертирстве в армии и мятежах в деревне.

Особые надежды Куприн возлагал на крестьян, основу жизни которых составляет частная собственность, поэтому, по мысли публициста, они должны оказать решительное сопротивление новой власти. Рассуждая о русском мужике, он приходит к выводу, что «никакие ухищрения и насилия не могли привить к нему коммунистического яда» [1; 33]. В своих публикациях Куприн показывал, как сельское население «воет в лапах холодного кровесосного спрута, называемого советской властью» [1; 211].

Куприн также подчеркивал особое значение в борьбе с большевиками другой внутренней силы – религии. Публицист показывал, что у русских людей на родине растет религиозное сознание, которое станет одним из решающих факторов в поражении новой власти. Массовый, стихийный, неуклонный подъем религиозности Куприн рассматривал как «бессознательный и естественный протест против насильственной большевистской попытки вырвать одним размахом из народной жизни церковь, пустившую в ней тысячелетние корни» [1; 159]. Он с негодованием пишет о государственном атеизме в России, об отношении большевиков к церкви: «Храмы, обращенные в кинематографы, алтари – в отхожие места, престолы – в шутовские эстрады. Иконы – поруганные и обворованные, ризницы разграбленные» [1; 169].

В деле освобождения России от большевистской диктатуры Куприн особые надежды возлагал на Белую армию. В оценке ее миссии, духовно-нравственного потенциала он близок позиции И. С. Шмелева, который в Белой армии видел душу родины, считал, что Белое движение «есть удержание России на гиблом срыве, явление бессмертной души Ее, – ценнейшего, чего отдавать нельзя, национальной чести, высоких целей, назначенных Ей в удел, избранности, быть может, – национально-го сознания» [3; 392].

Само существование Белой армии было для Куприна признаком здоровья русского народа; он рассматривал ее как се-

рзную моральную силу, которую нужно было сохранить в боевом состоянии. Особое внимание он уделял Северо-Западной армии, штабную газету которой редактировал в 1919 г.

Мечтая спасти Россию от большевистского засилья, Куприн также надеялся на помощь извне. Он был уверен, что «<...> Россия, по воле судьбы, отвела от Европы грозу большевизма, приняв ее на себя» [1; 32]. Куприн, как и Л. Андреев, И. Бунин, Д. Мережковский, З. Гиппиус и другие публицисты русского зарубежья, выражал горечь, негодование по поводу недалекости Европы и Америки, которые не хотели понять, что большевизм – это страшная опасность для всех. В статье «Победители» он иронизирует: «А дальновидные люди Европы еще надеются, что большевизм иссякнет, выдохнется, предоставленный самому себе, и что от заразы большевизма их государства, вероятно, застрахованы...» [1; 83]. Куприн с горечью замечает, что западный мир готов идти на компромиссы с советской властью, установить торговые отношения и в конце концов заключить мир. Для Куприна это демонстрация равнодушия к судьбе русского народа, национального эгоизма, политической близорукости.

Главная мысль его публицистического творчества – мысль о возрождении России, о русском национальном характере, о духовно-нравственных традициях русской культуры, о духовном подвижничестве русского народа. Сегодня, когда в обществе идет активный поиск нравственных опор, публицистика Куприна дает богатый материал для размышлений. Голос Куприна-публициста продолжает звучать в живом историческом диалоге о судьбе России.

Список литературы

1. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921) / А. И. Куприн ; сост., вступ. ст. и коммент. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2001.
2. Саша Черный. Избранная проза / Саша Черный. – Москва : Книга, 1991.
3. Шмелев И. С. Душа России / И. С. Шмелев // Собр. соч.: В 5 т. – Т. 7 (доп.). – Москва : Русская книга, 1999.

*Александр Грабельников,
Москва*

Становление Народной журналистики

Гражданское общество требует, чтобы массовая информация из информации для масс, которую создают профессиональные журналисты, превращалась в информацию, производимую массами, конкретными социальными группами, направленную на них же для самосовершенствования общественной жизни. Актуальность данной проблемы состоит в том, что непосредственная демократия, на которой главным образом строится гражданское общество и самоуправление народа, функционально связана с общественным мнением, выражается в предоставлении каждому гражданину права высказывать свое отношение к вопросам государственного и местного характера, в обязанности учета мнения большинства государственными органами и всеми гражданами. Наиболее же универсальным средством для этого являются сегодня СМИ, сети новых телекоммуникаций. Социологи считают, что вероятность усвоения информации зависит не только от ее качества, уровня образования аудитории, но и от степени ее причастности к созданию и распространению этой информации.

История русской журналистики уже знала деятельность масс как субъекта информации. Прежде всего, это рабочие газеты, появившиеся в начале XX века. Вне «коллективного творчества» российского пролетариата небольшому кругу большевистских журналистов-профессионалов из интеллигентов было бы трудно наладить в 1900–1917 гг. выпуск в общей сложности более 400 партийных газет и журналов. После Октябрьской революции эту практику большевики распространили и на всю остальную российскую печать. Вовлечение в газетную деятельность нелитераторов, попытки развития самоуправления рабочих с помощью печати новая власть и журналисты начали осуществлять в 1920–1921 гг. В 1923 г. они созвали первое Всесоюзное совещание рабочих корреспондентов, на котором

были всесторонне обсуждены их задачи в строительстве нового общества. В резолюции совещания подчеркивалось, что рабкор есть совершенно новая, рожденная революцией, важнейшая общественная сила. Он не только освещает жизнь предприятия и связывает газету с трудящейся массой, но и является активным организатором общественной жизни и контроля на своем предприятии. Его основная задача – выявлять волю рабочей массы, развивать ее самостоятельность и инициативу [4; 119]. Доступ к материалам 1920-х гг., содержавшихся долгие десятилетия в закрытых «спецхранах» библиотек, дает возможность восстановить истинный смысл организации рабселькоровского движения именно как контроля масс над государственным и партийным аппаратом через печать, их учебы самостоятельному управлению обществом [2]. В ходе развернувшейся дискуссии на первом Всесоюзном совещании рабкоров были выявлены две основные точки зрения. Первая заключалась в том, что рабочий корреспондент должен превратиться в рабочего-журналиста и таким образом печать станет рабочей в полном смысле этого слова, так как газеты будут выпускаться рабочими. Вторая точка зрения, которая победила, отстаивала ценность рабочего корреспондента как представителя рабочей массы, который непосредственно связан с ней, является членом рабочего коллектива. И в этой роли он не может быть заменен рабочим-журналистом, профессиональным работником печати, оторванным от своего бывшего трудового коллектива. Ценность рабкора в том, что он, в отличие от журналиста, смотрит на фабрику, завод не извне, а изнутри, видит все негативные явления, происходящие там, дает им свою оценку, указывает реальные пути их исправления. Это было очень важно, потому что уже в те годы одной из самых серьезных болезней общества был бюрократизм хозяйственных и советских органов.

Контроль со стороны масс за госаппаратом обретал свои четкие очертания через печать, через гласность. Н. И. Бухарин писал, что с помощью движения рабселькоров «мы имеем здесь особое средство привлечь беспартийных, вовлечь их в активную общественную работу, через них (как это ни стран-

но будет звучать для «ужасно левых» и «ужасно партийных» товарищей), через них даже (о, ужас!) контролировать наши партийные организации, особенно на селе. Контролировать особым способом, публикуя сообщения в газетах, давая возможность высказаться, требуя ответа у соответствующих лиц, органов, учреждений, и т. д. и т. п.» [1; 69]. Селькор, по его мнению, через газету должен был информировать о недостатках партийных ячеек, о безобразиях, которые чинятся там. «Здесь нам нужна наибольшая независимость от этого аппарата, наибольшая свобода критики» [1; 63].

К сожалению, далеко не все понимали истинное значение рабселькоровского движения. Даже в среде делегатов многие хотели организовать активистов печати в какие-то объединения, которыми удобно было бы руководить, сделать так, чтобы в рабкоры люди назначались администрацией или парторганизацией, выбирались на общих собраниях коллективов и т. д. В журнале «Журналист» того времени высказывались мысли, что период «партизанского», случайного участия в газете отдельных рабочих закончился. Редакции имеют вполне оформившуюся сеть рабкоров, которые и будут поставлять информацию, что же до остального населения, то его участие в печати обязательно. В 1920-е гг. мысли о самоуправлении масс через печать, их контроле над госаппаратом, парторганизациями не получили своего воплощения в жизнь из-за большой неграмотности населения. Рабселькоры как его грамотная часть активно начали писать, но их было лишь 150 тысяч в многомиллионном людском море. Серьезным барьером была и нехватка общей, политической культуры простых людей.

Рабселькоровское движение дало пролетарской печати целые поколения рабочих-журналистов, активных работников прессы, но оно не смогло стать той решающей силой, которая бы подняла народ до самостоятельного управления обществом. Массовая информация, которая мыслилась как информация самих масс, осталась информацией для масс. Создание этой информации было возложено на профессионального журналиста, чаще всего

интеллекта, стоящего на пролетарских позициях. Он как бы выступал от имени масс выразителем их мыслей и желаний.

Усиление в последующие годы субъективизма в управлении обществом, укрепление командно-административной системы привели к свертыванию рабселькоровского движения. Бюрократия, с которой рабочие и сельские корреспонденты вступили в борьбу, одержала верх. А профессиональный журналист из выразителя мнения народа стал выразителем мнения бюрократического аппарата. Массовая информация превратилась в такую информацию для масс, какой ее желали видеть тогдашние руководители партии и правительства: она замалчивала правду, создавая ложную картину благополучия народной жизни. Народ стал объектом манипулирования. За него и без его ведома решалось, что ему нужно знать, а что не нужно.

«Оттепель» в общественной жизни после XX съезда КПСС возродила инициативу и энтузиазм народа. В 1960-е гг. в массовом рабселькоровском движении участвовало свыше 5 млн человек. Широкое распространение получили рейды, посты, привлечение общественников к проверке поступающих в редакцию писем и материалов, нештатные отделы в редакциях, рабселькоровские и авторские советы при отделах. Анализ развития этого движения показывает, что оно шло параллельно усилению или ослаблению процесса демократизации в стране. «Пик» распространения общественных начал в СМИ приходится на 1920-е – начало 1930-х гг. и на вторую половину 1950-х – 1960-е гг. XX в. Спад – на конец 1930-х – начало 1950-х гг. и на 1970-1980-е гг., т. е. как раз на те годы, которые отличались усилением субъективизма в управлении обществом, его бюрократизацией.

Демократизация, гласность в первые годы перестройки давали основания для возрождения активности аудитории СМИ. Интересными были газеты, которые большую часть своей площади отдавали читателям, где они могли высказывать свои точки зрения, отстаивать их, убеждать. Дискуссии сделали эти издания наиболее популярными у аудитории. При сравнении публикаций журналистов и читателей на одну и ту же тему оказывалось, что читательские материалы и разностороннее,

и мыслями богаче [3; 4]. Они отличались большей проблемностью, критичностью. По мнению Герберта Шиллера, вовлечение многих людей в информационную деятельность по их же собственной инициативе в конечном счете представляет собой самую надежную защиту общества от контроля над информацией и манипуляции сознанием [5; 198].

Однако с приходом либералов к власти в 1991 г. количество СМИ, через которые население принимало участие в управленческой практике, стало сокращаться. На перераспределенных финансах, технологических мощностях возникли многочисленные частные издания, радио- и телепрограммы, целью которых не ставилось обсуждение с народом общественных проблем. Здесь в ходу снова стал давний дореволюционный принцип: наше дело – пописывать, а ваше дело – почитать. За прошедшие годы реформ владельцам СМИ удалось отучить аудиторию от активного участия в жизни общества через средства массовой информации. Многие газеты не публикуют писем читателей и вообще не вступают с ними в переписку. Свобода СМИ для аудитории сегодня заключается в их полном освобождении от выражения интересов населения, в манипулировании его сознанием в собственных целях. В результате наблюдается падение год от года доверия аудитории к отечественным СМИ, что регулярно показывают социологические опросы.

Вытесненная из СМИ активная часть аудитории переместилась в новую информационную среду и заняла свое место в блогосфере, социальных сетях, авторских сайтах, которые становятся альтернативой местным печатным изданиям, разрушают монополию СМИ на трактовку тех или иных событий. Многие читатели предпочитают узнавать новости не из профессиональных СМИ, а из блогов или интернет-форумов, где авторы не зависят от владельцев изданий, требующих проводить определенную политику, высказывать определенную точку зрения. С помощью новых технологий народ получил возможность наравне с профессиональными журналистами оказывать определенное воздействие на общественное сознание, влиять на общественное мнение. Это способствует развитию гражданской активности

населения, построению гражданского общества, заставляет массмедиа искать новые пути к сохранению и укреплению своих позиций в обществе, повышать конкурентоспособность и качество своей информационной продукции. Можно сказать, что принцип народности в отечественной журналистике получил с помощью интернет-технологий второе дыхание.

Список литературы

1. Бухарин Н. И. О рабкоре и селькоре: Статьи и речи / Н. И. Бухарин. – Москва, 1926. – С.69.
2. Бухарин Н. И. О рабкоре: Сборник статей / Н. И. Бухарин. – Москва, 1925; он же. О рабкоре и селькоре: Статьи и речи / Н. И. Бухарин. – Москва, 1926.
3. Журналист. 1987. № 8.
4. Первое Всесоюзное совещание рабочих корреспондентов. (Стенограмма). – Москва, 1924.
5. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – Москва, 1980.

*Дмитрий Дьяков,
Воронеж*

Пропаганда как порождение массовой цивилизации

«Нам нужна прежде всего газета, – без нее невозможно то систематическое ведение... всесторонней пропаганды, которое составляет... насущную задачу настоящего момента». Это цитата из программной статьи В. И. Ленина «С чего начать?», написанной в 1901 г. и считающейся прологом к Октябрьскому перевороту 1917 г.

В. И. Ленин первым в мировой истории успешно осуществил глобальную, тщательно продуманную революцию. Он задал ритм двадцатому столетию, в котором зародилась и развилась новая, доселе невиданная социальная форма – цивилизация массовой культуры. За сто лет существования этой цивилизации изобретенная вождем мирового пролетариата «всесторонняя пропаганда» превратилась в мощнейший механизм манипулирования общественным мнением и воздействия на общественное сознание. Именно пропаганда сделала журналистику придатком власти, позволила сочинять самые неправдоподобные мифы и невероятную информацию, угодные режиму.

После Октябрьского переворота идеи Ленина, ставшего не только главой советского правительства, но и идейным вождем нации, начали немедленно претворяться в жизнь. Одним из первых декретов советской власти был «Декрет о печати», фактически запрещавший все периодические издания, оппозиционные новому правительству; вводилась политическая цензура, со временем все ужесточавшаяся; начались гонения на интеллигенцию, огульно подозреваемую в сочувствии контрреволюции и подкупленности буржуазией. В полемике с М. Горьким, защищавшим от репрессий деятелей науки и искусства, Ленин утверждал, что интеллигенция – это не «мозг нации, а г...», что таким «талантам», как, например, В. Г. Короленко, полезно «по-

сидеть недельку в тюрьме». В 1922 г. по прямому указанию Ленина органы ВЧК осуществили высылку из страны около трехсот крупных ученых, философов, писателей, публицистов, университетских профессоров – как превентивную меру «устрашения» оппозиционной интеллигенции. Так гражданская война в сфере политики была перенесена в сферу идеологии и культуры. И главным оружием в этой идеологической войне стала «всесторонняя пропаганда».

Это ленинское изобретение было взято на вооружение другими диктаторами XX века, которые, вслед за «вождем Октября» начали всю социальную, политическую или культурную политику в своих странах сводить к простейшим и легко усваиваемым массовым сознанием пропагандистским приемам. В результате сегодня историю практически любого тоталитарного государства минувшего века мы можем описать как историю последовательного соблазнения и одурманивания подданных этого государства средствами пропаганды.

Классический пример – Германия. Здесь в 1920-е гг. один политический деятель пришел к выводу, что всякие попытки насильственного захвата власти в европейских странах теперь уже – бесперспективны. И он решил пойти другим путем, о чем и написал в книге «Майн кампф». Там будущий фюрер и рейхсканцлер Германии творчески развил ленинские идеи пропаганды: «В том и состоит искусство пропаганды, что она, постигая чувственный мир представлений большой массы населения, в психологически правильной форме находит путь к вниманию, а затем и к сердцу широких масс».

Таким образом, Гитлер ввел в теорию пропаганды ключевые понятия массовой культуры – «чувственный мир» и «сердце». После этого он обозначил еще одно важное правило пропаганды – право на манипуляции и ложь: «Пропаганда не должна быть объективной. Она не должна заниматься поиском истины, а затем корректно и адекватно представлять ее массе, если эта истина работает на интересы других. Вместо этого она должна непрестанно служить только собственным интересам».

Логично, что спустя лишь месяц с небольшим после прихода к власти Гитлер принял решение о создании имперского министерства народного просвещения и пропаганды. А уже через два дня появился соответствующий указ, и на должность министра пропаганды был назначен Геббельс, который в 35 лет стал самым молодым членом германского правительства.

О том, какое значение Гитлер придавал работе Геббельса, говорят следующие факты: министерство стартовало со штатом в 350 сотрудников, разделенных на пять отделов. К 1939 г. отделов было уже 17, а число сотрудников достигло двух тысяч. Бюджет министерства вырос с 14 миллионов рейхсмарок в 1933 г. (что уже было немало) до 187 миллионов к началу 1941 г.

Геббельс, пожалуй, единственный из нацистских лидеров, чье наследие, увы, остается актуальным по сей день. Почти каждый нынешний авторитарный правитель, выстраивая свою пропагандистскую систему, неминуемо опирается на приемы и методы, разработанные и обкатанные когда-то ведомством рейхсминистра.

Два столпа геббельсовской пропаганды – прославление и разоблачение – крепятся на одной общей основе: образе «врага». Режим утверждает себя в борьбе с врагами и чахнет без наличия таковых.

В докладе «Умственный работник в борьбе за судьбу державы», произнесенном в актовом зале Гейдельбергского университета в июле 1943 г., Геббельс конкретизирует этот образ. Он говорит о вреде интеллектуализма – излюбленная тема любой авторитарной публицистики, для которой слово «интеллигент» оставалось бранным на протяжении всего прошлого столетия.

«До сих пор привилегией руководить нацией пользовался слой богатых и образованных, – изрекает Геббельс. – Но революция опрокидывает старые алтари и воздвигает новые. Не интеллект, а железная воля, сильный характер и безграничная преданность вождю нации – вот что необходимо сегодня».

Обозначенная еще Лениным ненависть к интеллекту и его носителям лежит в основе всей идеологии цивилизации массовой культуры, сориентированной исключительно на мало-

обеспеченных и малообразованных потребителей. Критически мыслящими интеллектуалами манипулировать сложно. К примеру, чтобы управлять Академией наук, надо быть как минимум на одну ступеньку выше самого умного ее члена. Но чтобы управлять толпой, массой – достаточно лишь знать потребности самого глупого ее участника. Поэтому целью пропаганды всегда становится намеренное низведение образа своей страны в глазах граждан до примитива и нравственная деградация подданных: если не можешь управлять страной умной, сделай управляемую страну глупой.

Как свидетельствует опыт большевистской и нацистской печати, этого легко достигнуть, создав, с помощью средств массовой информации, искаженную картину мира, позволяющую оправдывать такие действия и поступки, которые никогда бы не были понятны и приняты обществом без целенаправленной пропаганды. Это правило продолжает работать и сегодня.

Например, в ноябре 2014 г. на вопрос исследовательской организации «Левада-Центра» о том, ведут ли российские государственные СМИ информационную войну против Украины и искажают происходящее там, – 64 % опрошенных ответили, что это не так, картинка объективна; 14 % сказали, что картина искажается, и это плохо; 12 % согласились с присутствием искажения, однако заявили, что считают это правильным; 11 % затруднились с ответом.

А еще за три месяца до этого об объективности картинки, выдаваемой российскими СМИ, говорили всего 54 %. «Накапливается эффект воздействия телепропаганды, все больше людей принимают официальную версию и оставляют свои прежние сомнения», – объяснял этот скачок негатива директор Центра Лев Гудков. Впрочем, по его словам, нельзя сказать, что и в интернете можно от этой пропаганды «увернуться». «Кремль научился пользоваться интернетом, и там происходит то же, что и во всем информационном пространстве», – отмечал глава «Левада-Центра». Это свидетельствует о том, что «пропаганда работает на важных комплексах и травмах массового сознания – комплексе ущемленного самолюбия и имперских амбициях».

Российский журналист и общественный деятель О. Романова высказала схожую точку зрения. «Мне кажется, что в плане сумасшествия на почве пропаганды российский народ ничем не отличается от немецкого, например. Немцы же умные, культурные, цивилизованные, а на Геббельса повелись. С русскими произошло то же самое», – заявила она.

Итак, важнейшей составляющей эффективности любой пропаганды является наличие в ней мерзкого и отталкивающего образа «врага». Этот негативный образ позволяет легко списывать на него все внутренние проблемы и комплексы. Вот почему именно «враг» является центром пропагандистского мироустройства, а его постоянный показ подпитывает моральный дух общества, концентрирует в массах злость и ненависть к «чужому».

Ненависть, истерика, насилие, умственная отсталость, моральная кастрированность, убийства и то, что называют «чернухой», – вот основа пропагандистской модели мобилизации человека толпы, превращения его в зомби, готового по приказу сверху в любую минуту обрушить всю накопленную негативную энергию в сторону указанного пропагандой «врага».

Технология создания подобного негативного образа позволяет навязать толпе «пирамидальную» модель государства, в основании которого лежат аморфные и безликие народные массы, костяком является мощная бюрократическая структура партийно-государственного аппарата, а на вершине пребывает харизматический вождь, творящий по своей воле (вариант: воле Бога) новую социокультурную реальность.

Подобные процессы, продолжающиеся в сегодняшнем мире, являются типичными признаками цивилизации массовой культуры, во многом порожденной Октябрьским переворотом 1917 г.

Советское прошлое в современных СМИ

Вопросы, предложенные для обсуждения участникам секции «1917–2017 гг.: уроки столетия глазами журналистов», вызывают череду уточняющих и не всегда риторических вопросов. И, конечно, не случайно. Не проходит и дня, чтобы на каком-либо радио- или телеканале, в газете или журнале не коснулись российской истории (давней и недавней) и публицисты, и историки, и многочисленные блогеры. Взять хотя бы вопросы о роли российских СМИ в отражении «истории современности» или о периодах отечественной истории, которые получили адекватное отражение. В одном из последних номеров «Литературной газеты» А. Замостьянов в статье «Гаагский трибунал для Ивана Грозного», посвященной полемике вокруг открытия в г. Орле памятника Ивану Грозному, пишет, что «события XVI века (дошедшие до нас во многом в преломлении легенд) до сих пор вызывают гражданскую ярость, будто речь идет о нашем современнике. Кажется, на кону судьба демократии» [1; 1,3].

Как можно ставить памятник царю Ивану – террористу, преступнику, – вопрошают одни участники дискуссии. Но почему должны остаться в забвении расширение границ Московской Руси, строительство новых городов, система приказов, ратные победы, – парируют другие. И так до бесконечности. В таком «плодотворном» ключе шли споры при переименовании станций метро, носящих имена былых революционеров, при установке в Санкт-Петербурге мемориальной доски бывшему офицеру российской армии, герою Первой мировой войны и финскому фельдмаршалу Карлу Маннергейму...

В оценке исторических личностей прошлого сказывается привитая нам за десятилетия привычка видеть все только в двух цветах – белом или черном, по-детски судить: «плохой – хороший». Не одно поколение советских школьников на уроках истории практически всю деятельность правительства дореволюционной

России должно было оценивать лишь негативно и считать, что послеоктябрьский период – это сплошной прогресс. Но не принято было одновременно видеть и плюсы и минусы: да, было это, но было и другое. На одном из занятий по курсу «Исторический процесс и СМИ» студентам-журналистам был задан вопрос, что они знают о Хрущеве. В ответ со снисходительной улыбкой было сказано «что-то о ботинке, которым он где-то стучал по трибуне», и о «хрущобах». И с удивлением услышали об изменении внутренней политики в послесталинское время, о ее повороте к человеку. Те же «хрущевки» (а не «хрущобы», как они именуются порой сейчас), т. е. промышленное строительство малогабаритных квартир со всеми удобствами – это стремление быстрее переселить людей из подвалов, коммуналок, бараков! Освоение целины (со всеми его огрехами) – это желание быстрее накормить послевоенную страну. Начавшийся выпуск бытовых приборов в массовом количестве делал жизнь более удобной. Студенты узнали, что при Хрущеве в нашей стране, будто второй раз, было отменено «крепостное право»: сельские жители обрели паспорта и стали получать не трудодни, а зарплату. Обсуждая «плюсы» и «минусы» хрущевской «оттепели», приходится вновь и вновь убеждаться, что в фигуре бывшего Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР представить одновременно белое и черное удалось, пожалуй, лишь Эрнсту Неизвестному – автору скульптуры на могиле Хрущева, выполненной из белого и черного мрамора. Студентам-журналистам необходимо более, чем другим гуманитариям, знание нашего прошлого, чтобы история России не стала для них, по выражению М. Жванецкого, «борьбой невежества с несправедливостью».

Вопросы о том, можно ли извлечь из прошлого уроки для настоящего и будущего, и какие предостережения, уроки, рецепты заключены в российском прошлом для нас, – обращены, скорее всего, к политикам. Однако, исследуя ценностную сферу российского общества нашего переходного времени, социологи обратили внимание на обеспокоенность наших сограждан перспективой моральной деградации нации. Выявлены статус прошлого в историческом сознании молодежи, источники

знания о прошлом, исторические интересы, специфика исторической идентификации, роль институтов в представлениях молодых людей. Делается вывод о противоречивом характере трансформации исторического сознания студенческой молодежи, что связано с тенденцией к утрате фундаментальной роли традиций как базовой ценности исторического сознания и ориентации, интереса к семейной истории [3]. Так что работа «мастерам культуры» в наше время кризиса морали, переоценки ценностей предстоит немалая.

На наш взгляд, пишущим, говорящим, снимающим сюжеты о давней и недавней истории страны надо бы не забывать о правде – о правде факта и правде художественной. В октябре 2016 г. на «Радио России» (передача «Взлетная полоса») несколько раз обращались к теме правды в российской истории. Приглашенный в эфир политический обозреватель ВГТРК Андрей Медведев не раз повторял, что наши сограждане давным-давно живут в плену стереотипов, исторических мифов и т. д. Приводил примеры бытования массы «преданий», начиная с Ивана Грозного до Бориса Ельцина. И постоянно говорил о том, что необходимо освобождаться от наслоения мифов. С этим, наверное, никто и не спорит. Стремлением преодолеть ставшие привычными мифы отличается серия книг В. Мединского «Мифы о России». Вот как «по-журналистски» хлестко пишет он о пакте «Молотов-Риббентроп»:

«Власти СССР совершили прорву тяжелых ошибок. Одна из них – сокрытие многих страниц истории нашей страны. Мы не изучали историю в целом, системно – поэтому нашим сознанием легко манипулировать. Можно сказать 5 % правды – и люди будут искренне ужасаться и заламывать руки. В конце 1980-х советским (тогда еще советским) людям сказали, что, оказывается, этот ужасный Сталин перед самой войной преступно заключил с Гитлером преступный пакт <...> Но вот чего россиянам НЕ сказали – точно такие же «пакты» подписывали и другие государства. А это очень многое меняет.

Сначала был уже упоминавшийся выше «Мюнхенский договор» по разделу Чехословакии. Акт куда более циничный,

чем пресловутые «секретные протоколы» Молотова – Риббентропа о возможном разделе зон влияния СССР и Германии в Польше и Прибалтике. Кстати, в дележе Чехословакии помимо Германии на правах гиен-падальщиц поучаствовали и Польша (отхватила себе Тешинскую область на севере), и Венгрия (несколько городов на юге). Сразу же после Мюнхена, 30 сентября, Чемберлен и Гитлер подписали англо-германскую декларацию о мире. Чуть позже – 6 декабря 1938 года – была подписана аналогичная франко-германская декларация.

Итак, что мы видим? Не успели высохнуть чернила в Мюнхене, как Франция и Англия тут же подписали пакты о ненападении с Третьим Рейхом. В чем же тогда позорность нашего с немцами Договора о ненападении от 23 августа 1939 года?» [2; 53].

Мы привели столь обширную цитату для того, чтобы показать, как важно внимание не только к конкретному факту, но и к тому, что происходило в это время на другой стороне, внимание, если можно так сказать, к историческому контексту. Не меньшей значимостью, чем такая многосторонняя правда в освещении истории обладает и правда во всем. В 60–70-е годы, когда создавалась «лейтенантская проза», появились знаменитые фильмы «Горячий снег», «В бой идут одни старики», «Хроника пикирующего бомбардировщика» и др., мне запомнилась реакция одного из фронтовиков по поводу какой-то незначительной, на мой взгляд, неточности в каком-то военном фильме. «Ну, как это можно?! Не было ведь в это время такого ордена! А у него он блестит!» – негодовал фронтовик. Услышав мое робкое утешение, он с возмущением обратился к экрану, точнее, к титрам фильма: «Гляди, в военных консультантах – генерал-полковник! Куда он смотрел-то?» Что бы сказал тот ветеран войны, увидев современные поделки «Штафбат», «Сволочи» и т. п.? Что маленькая неправда порождает большую ложь? Иногда думается, что титры в современных телесериалах идут с такой быстротой, чтобы дотошный зритель не прочитал фамилии горе-консультантов, если они еще приглашаются.

При неоднозначной оценке передач радио «Эхо Москвы» нельзя не отдать должного таким циклам, как «Цена победы»,

«Цена революции». Желание авторов таких передач дать возможность услышать мнение авторитетного специалиста-историка, по-другому взглянуть на вроде бы хорошо известное событие – будь то советско-финская война или гражданская война в Испании, где участвовали наши граждане, – заслуживает всяческого уважения. Но сколько еще предстоит отыскать, выслушать, чтобы явить полноценную, рельефную картину произошедшего события, дать ему не только политическую, но и этическую оценку!

Слова К. Маркса о том, что история повторяется дважды – сначала в виде трагедии, потом в виде фарса, с большим основанием можно отнести и к оценке журналистами той же истории. Вспомним, как менялась с «плюса» на «минус» полярность в оценке деяний М. Горбачева, а затем Б. Ельцина. Может, наступило время не для трагического или сатирического, а спокойного, взвешенного освещения нашего прошлого? Не за горами столетие Октябрьских событий 1917 года. Как будет именоваться эта дата? Великой Октябрьской социалистической революцией, как именовалось семь десятилетий оно в нашей стране? Или большевистским переворотом, как стали называть его в перестроечное время? Нетрудно предугадать, какие дебаты возникнут в прессе, на радио и телевидении по поводу события мирового масштаба. Какую роль сыграют наши СМИ в развенчании или обосновании новых мифов? Одно ясно: честное, объективное отношение мастеров экрана и эфира, публицистов в средствах массовой информации к нашему прошлому, вчерашним базовым нормам и ценностям поможет нам подумать, к какому времени мы принадлежим, кто мы и что нам нужно.

Список литературы

1. Замостьянов А. Гаагский трибунал для Ивана Грозного /А. Замостьянов // Литературная газета, 2016, 19-25 октября, № 41 (6571).
2. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1943 / В.Р. Мединский. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012.
3. Мерзлякова И. Л. Об историческом сознании современной студенческой молодежи / И. Л. Мерзлякова, А. А. Линченко, Э. В. Овчинникова // Социологические исследования, 2014, № 12. – С. 89-96.

На дальних подступах

(Журнал «Вестник Европы» и контрреформы 1880-х гг.)

Реформы Александра II положили начало процессу, который позднейшие исследователи назвали превращением России в правовое государство. Ни во многом вынужденный характер этих преобразований, ни их запоздалость, ни колебания, непоследовательность, ошибки власти в их проведении не ставят сегодня под сомнение определение «великие», данное им либеральной ответственностью пореформенной эпохи. Очевидно и то, что мощное экономическое развитие страны на рубеже 19–20 вв., подъем науки, культуры, «серебряный век» русского искусства представляли собой их постепенно созревавшие плоды. Но так же очевиден и вопрос, почему в одном русле с этими позитивными процессами оказались три революции начала XX века, последняя из которых завершилась установлением на долгие годы одной из самых жестоких диктатур. И можно ли обнаружить в исторической ретроспективе тот период, когда происходившее с разной интенсивностью развитие революционных идей, которое началось в России еще в XVIII веке, сменилось необратимым движением к революции как социальному взрыву, впервые прогремевшему в 1905 году.

Таким периодом, на наш взгляд, стали 80-е годы XIX века. Контрреформы Александра III были вызваны не только трагедией 1 марта 1881 года, но и глубоким личным убеждением царя, что только незыблемость самодержавия обеспечит благополучие и процветание империи. Основой идеологии контрреформ стала знаменитая триада николаевской эпохи «православие, самодержавие, народность». Власть не просто пресекла инициированную при Александре II разработку конституционных начал, но запретила любые разговоры о конституции. Новые правила о печати 1882 г. дезавуировали многие нормы либерального закона 1865 г., что позволило уже к середине 80-х гг. избавиться от главных критиков –

радикальных демократических изданий. Голод 1891–1892 гг. стал проверкой на эффективность проводившейся в течение десятилетия политики, продемонстрировав бедственное положение деревни, недостаток у власти сил и средств для борьбы с катастрофой такого масштаба, ее неумение и часто нежелание сотрудничать с обществом, предложившим существенную и бескорыстную помощь в этой борьбе. Все диагнозы подтвердила русско-японская война, ставшая итогом первого десятилетия правления Николая II, который принципиально продолжал политику отца в части отказа от либеральных преобразований, но не унаследовал его репутацию царя-миротворца. 1905 год все равно вынудил эти либеральные преобразования проводить. Но двадцати мирных лет – а именно столько хотел П. Столыпин для проведения своих реформ – у российской власти начала XX века уже не оказалось. Не говоря о том, что очевидно вынужденный революцией характер действий Николая II и его окружения поставил под сомнение реформоспособность этой власти вообще. Так что рассуждать об уроках революции 1917 г. и прошедшего после нее столетия невозможно, не обращаясь к предыстории революции первой, а она, с нашей точки зрения, напрямую связана с судьбой реформ Александра II в последние два десятилетия XIX века.

Пореформенная эпоха оставила в наследство российскому обществу влиятельную оппозиционную печать. С середины 1880-х гг. она была представлена исключительно либеральными изданиями разных оттенков. Их общей платформой в условиях контрреформ стали защита и продолжение начатых в 60-е гг. преобразований, наиболее последовательные в журналах и газетах западнического толка. Петербургский «толстый» журнал «Вестник Европы» (1866–1918) занимал здесь лидирующую позицию не только как самый активный критик проводившейся политики. Он стал единственным общественно-политическим изданием, на страницах которого уже в начале 1882 года в материалах под рубриками «Внутреннее обозрение» и «Из общественной хроники» политический обозреватель журнала К. Арсеньев представил развернутую программу либерализма как течения русской общественной мысли. В области экономики: «...поддержание общин-

ного землевладения как главной гарантии против обезземеливания массы, правительственное и земское содействие переходу земель во владение крестьян, в особенности там, где они наиболее страдают от малоземелья; организация переселений и мелкого поземельного кредита; освобождение крестьян от стеснений, налагаемых паспортной системой и круговой порукой; дальнейшее понижение выкупных платежей там, где они превышают доход с наделных земель; отмена подушной подати, увеличение налогов, платимых более достаточными классами, с соответствующим понижением податного бремени, тяготеющего над народом; значительные сокращения непроизводительных государственных расходов» [4; 799]. В области социально-политической: свобода печати, свобода совести, отмена телесных наказаний, неприкосновенность личности, «устранение тех условий, в силу которых земское и городское самоуправление часто остаются теперь мертвой буквой и служат интересам немногих в ущерб большинству» [4; 803]; неприятие революционных методов борьбы, конституция. О ней приходилось говорить намеками, опираясь в основном на факты и события в жизни зарубежных государств, среди которых выделялись Германия и Франция. «С лета 1882 года... вопрос об изменении государственного строя надолго исчезает из обихода русской жизни, – писал К. Арсеньев в 1915 г. в статье «Пятидесятилетие “Вестника Европы”». – Одряхлевший государственный строй видимо клонился к упадку; чем больше предпринималось мер для его укрепления, тем больше расшатывались его основы. Подойти к вопросу с этой стороны легальная пресса не могла; в своем непосредственном соприкосновении с действительностью она должна была ограничиться защитой приобретений, сделанных в короткие годы движения и критикою «преобразований наоборот», пытавшихся оживить неспособное к жизни» [2; V-VII].

Однако в редакции «Вестника Европы» хорошо понимали, что в обозримой перспективе в России только власть имела реальные возможности для проведения преобразований, ведущих к достижению обозначенных в программе целей. Поэтому авторы журнала, во-первых, не упускали случая поддержать меры правительства, хотя бы минимально способствовавшие «движе-

нию вперед»; во-вторых, не оставляли попыток убедить власть в том, что проведение в жизнь либеральной программы выгодно в первую очередь ей самой. «Совершенно уничтожить крайние мнения свобода исследования бессильна, хотя бы она была доведена до своего идеала; но уменьшить опасность, которую они угрожают, сделать их именно и только мнениями, а не искрами, непрерывно поддерживающими страх взрыва или пожара, может даже и ограниченная законом и судом свобода, лишь бы она шла рука об руку с действительным улучшением народного быта» [3; 349], – писал К. Арсеньев, аргументируя необходимость свободы печати в России. Не имея возможности критиковать действия власти напрямую, обозреватель «Вестника Европы» сделал главным объектом критики газету «Московские ведомости». Ее редактор М. Катков имел репутацию проводника господствующих в «высших сферах» мнений не только внутри страны, но и за ее пределами. Соратник идеолога контрреформ К. Победоносцева, он мог себе позволить публично рассуждать о том, каким должен быть закон, еще только разрабатывающийся правительством; настаивать на принятии его наиболее жесткого варианта; предлагать свои услуги по исполнению «полицейской функции» в литературе и. т. п. По поводу мнений частного лица, публиковавшихся в частном издании, «Вестник Европы» имел возможность высказываться настолько остро, насколько позволяли цензурные условия*. Но не упускал случая отметить, что очередная контрреформистская мера правительства оказалась мягче, чем

---

*Характерный пример – полемика с «Московскими ведомостями» по поводу нового издания «Горя от ума» в начале 1890 года. Каткова уже не было в живых, но его преемники шли «пробитой дорогой» и комедию Грибоедова представили как сатиру на холопов европейского просвещения, а наследниками Чацкого – тех, кто выступает против западничества, т. е. в первую очередь себя. «В том, против чего восстает Чацкий, нет ровно ничего европейского», – писал К. Арсеньев. – Не у Запада научился Максим Петрович «отважно жертвовать затылком», не в европейской школе образовался «Нестор Негодяев знатных»... «толпу мучителей» Чацкий возбудил против себя не осуждением «тупого, рабского, слепого подражания». Она вооружилась против него за непочтительность к властям, за непризнание спасительной силы поклонов и «исканий», за скептическое отношение к чинам и мундиру, за сочувствие «завиральным идеям», и ... поняла его гораздо лучше, чем понимает его современная гуази – консервативная критика» [5; 456–457].

вариант, предлагавшийся «Московскими ведомостями». Такого рода реверансы в сторону власти обнаруживали тревогу по поводу мизерности тех усилий, которые предпринимались оппозицией. Продолжалась консервация рудиментов крепостничества в деревне, уничтожалась университетская автономия, из сферы престижного образования удалялись «кухаркины дети», сводилась к минимуму сфера деятельности суда присяжных, поощрялся русский национализм как инструмент внутренней политики, выводились из публичного поля политические процессы, ограничивались права местного самоуправления, – и оппозиции оставалось только выражать недовольство уже свершившимся фактом. Но и тут ее настигал циркуляр цензурного ведомства, запрещавший прессе об этом факте упоминать.

В февральском номере «Вестника Европы» за 1906 год была опубликована написанная К. Арсеньевым программа партии демократических реформ, создававшейся по инициативе редакции журнала. Ее основные положения мало чем отличались от заявленных в начале 1880-х гг., что свидетельствовало об отсутствии каких-либо существенных подвижек по обозначенным тогда направлениям за предыдущие два с лишним десятилетия. Так, в разделе, посвященном суду, содержалось только одно требование: «Отменить все отступления от начал судебной реформы 1864 г.» [6; 789]. Уже стал фактом российской истории манифест 17 октября 1905 г.; были приняты новые правила о печати, отменившие предварительную цензуру; шел бурный процесс формирования легальных политических партий, готовились выборы в 1-ю Государственную Думу, – в свете публикации одного из старейших либеральных изданий все это выглядело весьма запоздалым, хотя и давало очередную надежду, что на этот раз либеральные преобразования будут устойчивыми и длительными. Но уже в 1909 г. в статье о «Вехах» К. Арсеньев писал: «Русская государственность возвратилась к той мертвой точке, на которой стояла пять лет тому назад. Слегка измененная внешность прикрывает старое политическое содержание. Личная и общественная инициатива встречает те же препятствия, как и прежде. Что бы ни говорили составители сборника, в среде интеллигенции – да и в других, более широких сферах, – по-прежнему

чувствуется уверенность, что без коренных общественных реформ невозможно глубокое обновление личной жизни» [1; 304]. Даже если считать, что обозреватель «Вестника Европы» был слишком суров, поспешен или просто ошибался в оценке текущих процессов, реально у очередной серии либеральных реформ в России оказалась еще более короткая история, чем у предыдущих, проводившихся в XIX веке.

В советскую эпоху русский либерализм вошел с клеймом предателя интересов трудового народа, наложенным вождем мирового пролетариата еще по итогам первой революции. Что не помешало В. Ленину, будучи главой государства, в известных условиях пойти на серьезную и результативную либерализацию в экономической и социальной сферах. Новая экономическая политика закончилась «великим переломом» с абсолютно антилиберальными последствиями. Следующий этап либерализации по-советски – оттепель, которую могли достойно продолжить предлагавшиеся А. Косыгиным экономические преобразования, но они были пресечены на стадии проекта. Перестройка также была задумана как либерализация в рамках системы, но ресурсы последней в этом плане оказались исчерпанными, и продолжать либеральные преобразования уже с элементами революции пришлось властям постсоветской России последнего десятилетия XX века. В России начала XXI века с переменным успехом противостоят реформистские, либеральные и контрреформистские, антилиберальные силы, и наш более чем столетний опыт заставляет думать, что именно победа первых обеспечит устойчивое развитие и процветание России на далекую перспективу.

Список литературы

1. Арсеньев К. Призыв к покаянию / К. Арсеньев // Вестник Европы, 1905, № 5. – С. 299-309.
2. Арсеньев К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» / К. Арсеньев // Вестник Европы, 1915, № 12. – С. I-XIV.
3. Внутреннее обозрение // Вестник Европы, 1882, № 1. – С. 346-362.
4. Внутреннее обозрение // Вестник Европы, 1882, № 4. – С. 788-809.
5. Из общественной хроники // Вестник Европы, 1890, № 3. – С. 442-457.
6. Партия демократических реформ и ее программа // Вестник Европы, 1906, № 2. – С. 786-793.

*Владимир Колобов,
Воронеж*

Литературно-общественная позиция журнала «Новый мир» 1958 – 1970 годов в оценке А. В. Жигулина

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Новый мир» – уникальное явление в духовной и культурной жизни советского и постсоветского общества. Основанный в 1925 году на базе издательства «Известия» по предложению редактора газеты «Известия» Ю. М. Стеклова, «Новый мир» многие десятилетия считался главным литературным журналом страны, в котором честью для себя считали возможность опубликовать свои произведения как широко известные, так и начинающие творческий путь писатели и публицисты.

Безусловно, одним из самых значимых этапов в истории «Нового мира» является период, когда во главе журнала дважды вставал великий поэт и гражданин А. Т. Твардовский (1950–1954, 1958–1970).

О «Новом мире» А. Т. Твардовского за прошедшие десятилетия написано так много, что, казалось бы, тема полностью исчерпана. Содержательные воспоминания о «Новом мире» и его главном редакторе оставили В. Я. Лакшин, А. И. Кондратович, И. И. Виноградов, Ю. Г. Буртин, С. Г. Караганова, много лет работавшие с Твардовским, и др. Особняком стоит автобиографическое произведение А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом (Очерки литературной жизни)», в котором значительная часть текста посвящена «Новому миру» и его главному редактору А. Т. Твардовскому [3].

Наконец едва ли не самым главным литературно-публицистическим трудом на данную тему является «Новомирский дневник» самого А. Т. Твардовского, изданный уже в наше время и рассказывающий о его редакторстве и «мытарствах», связанных с выпуском журнала [4].

Материалы домашнего архива выдающегося поэта второй половины XX века, нашего земляка А. В. Жигулина (1930–2000), поступившие недавно на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина, содержат новые, ранее неизвестные страницы из истории советской литературы и журналистики послесталинского периода, вносят дополнительные штрихи в летопись культового в те годы журнала «Новый мир» [1].

По мнению поэта, «Новый мир» под руководством А. Т. Твардовского продолжил лучшие традиции «Современника» А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, «Отечественных записок» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, получил всесоюзную и мировую известность.

Как считает А. В. Жигулин, появление в стране такого журнала было вызвано объективными причинами. «Новый мир» Твардовского заполнил нишу в духовном и культурном пространстве страны, которая образовалась после проведения XX съезда КПСС (1956), осудившего культ личности И. В. Сталина и практику «идеологического догматизма и начетничества».

Следует отметить, что А. В. Жигулин был одним из постоянных авторов «Нового мира», он горячо поддерживал творческую и идеологическую линию, проводимую редакционным коллективом во главе с А. Т. Твардовским.

В январском номере «Нового мира» за 1962 год появилась подборка стихотворений А. В. Жигулина, отобранных к печати лично А. Т. Твардовским. Уже в первых строчках читателю нетрудно было почувствовать мотивы болезненной для общества темы политических репрессий: «Флажки на трассе в снежной шире, / Но будет речь о них потом. / А раньше Слово о цифире, / Напитке горьком и густом...» (Флажки); «Из штольни вышли в пыльных робах, / На свет взглянув из-под руки. / И замелькали на сугробах / Густые черные плевки...» (Ночная смена); «Мы сначала снимали / Твой снежный покров. / Кисти мерзлой брусники / Алели, как кровь...» (Земля).

К «трудной», как писали в те годы литературные критики, теме автор имел непосредственное отношение. В сентябре 1949

года студент первого курса Воронежского лесотехнического института Анатолий Жигулин был арестован и объявлен «врагом народа» за участие в создании и деятельности подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ). Наказание отбывал в лагерях и тюрьмах в Сибири и на Колыме. После смерти Сталина был освобожден и полностью реабилитирован. «Сибирско-колымская одиссея» станет главной темой его стихов, написанных в 1950–1960-е годы.

Основными составляющими успеха журнала «Новый мир» А. В. Жигулин считал следующие факторы:

- личность самого А. Т. Твардовского, его выдающиеся организаторские способности, талант, разносторонние вкусы, редакторский опыт;

- профессионально подобранная редакционная команда (В. Я. Лакшин, А. Д. Дементьев, А. И. Кондратович, Б. Г. Закс, И. А. Сац, И. И. Виноградов, Ю. Г. Буртин, М. Н. Хитров и др.);

- последовательная гражданская позиция журнала, идеологическую основу которой составляли либеральные и демократические ценности;

- близость взглядов главного редактора и сотрудников редакции на происходящие в литературе и обществе процессы, что позволяло проводить самостоятельную новмировскую линию, во многом отличную от направлений других толстых журналов.

Из дневниковых записей А. В. Жигулина видно, с каким участием А. Т. Твардовский отнесся к судьбе молодого воронежского поэта. Пользуясь государственными и общественными полномочиями (депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь Союза писателей СССР), Александр Трифонович устраивал Жигулина в московскую больницу, звонил хирургу, который должен был его оперировать. Дело в том, что из сталинских лагерей Анатолий Жигулин принес с собой «целый букет» серьезных заболеваний, в том числе – туберкулез легких.

Воодушевленный поддержкой Твардовского, в сентябре 1963 года Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР и переезжает на постоянное место жительства в Москву.

На страницах дневника А. В. Жигулина подробно отражена хроника многолетнего идеологического конфликта А. Т. Твардовского с партийными и литературными властями, который достиг апогея после смещения Н. С. Хрущева с высших постов (это произошло на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 года).

В числе представителей высшего эшелона власти, наиболее рьяно выступавших против журнала «Новый мир» и его главного редактора, были, в частности, член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ в 1958–1961 годах А. Н. Шелепин, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, один из лидеров неформального национально-патриотического движения С. П. Павлов (именно в его подчинении находилось книжное издательство «Молодая гвардия»), начальник Главного политического управления Армии и Флота А. А. Епишев, волевым решением запретивший подписку на «Новый мир» в Вооруженных силах, и др.

В журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Огонёк», газетах «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Литературная газета» и других периодически публиковались материалы с нападка на «Новый мир» и его главного редактора. Как отмечает Жигулин, делалось это в виде различных «рецензий» на новомирские произведения, «писем читателей», безымянных передовиц, а иногда и просто попутно, как бы между прочим, на всякий случай.

Поэта возмущают также организационные и политические санкции, примененные в отношении непокорного журнала: вмешательство в кадровые вопросы, искусственное сдерживание подписки, грубое вмешательство цензуры в производственный процесс¹.

После решения Секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редколлегии журнала и назначении на эти должности людей из «противоположного лагеря», загнанный в угол Твардовский в феврале 1970 года был вынужден сложить редакторские полномочия.

---

¹Более подробно об этом см.: 2.

Горечью и болью наполнены дневниковые записи о последних месяцах жизни и преждевременной смерти А. Т. Твардовского, наступившей 18 декабря 1971 года в подмосковном поселке Красная Пахра.

В 1972–1974-х годах А. В. Жигулин работает в редакции журнала «Дружба народов» в должности члена редколлегии, заведующего отделом поэзии. В числе его добрых дел – публикация подборки писем А. Т. Твардовского в пятом, майском номере журнала «Дружба народов» за 1973 год. Эта история также нашла отражение в жигулинском дневнике.

По мнению поэта, подвижническая редакторская деятельность А. Т. Твардовского, бескомпромиссная позиция руководимого им журнала «Новый мир» во многом способствовали духовно-нравственному пробуждению общества в последние десятилетия XX века и представляют собой одну из ярких страниц истории отечественной журналистики.

Список литературы

1. Жигулин А. В. Материалы личного архива / А. В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
2. Колобов В. В. Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе) / В. В. Колобов. – Тамбов : ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2016.
3. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки лит. жизни / А. И. Солженицын // Новый мир, 1991, № 6-8, 11, 12.
4. Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1 : 1961 – 1966; Т. 2 : 1967 – 1970 / А. Т. Твардовский / Подготовка текста, комментарии, указатель имен В. А. и О. А. Твардовских. – Москва : ПРОЗАИК, 2009.

Весьма своевременные «Несвоевременные мысли»

Если называть вещи своими именами, 26 октября 1917 года (по старому стилю) в России произошел государственный переворот.

Власть от Временного правительства перешла к Совету народных комиссаров.

Холостой выстрел «Авроры» выглядел знаком символическим: этим выстрелом социал-демократическая рабочая партия (большевиков) объявляла о бескровном захвате власти.

Слово «захват» здесь вполне уместно: в двух столицах и в провинции у партии не было большинства в выбранных летом и осенью большинства в местных правительственных областях.

Рассчитывать на поддержку Учредительского собрания не приходилось.

Центральное правительство, созданное в феврале 1917 года, официально именовалось Временным.

26 октября 1917 года В. И. Ленин произнес знаменитую фразу: «Революция, о которой все время говорили большевики, совершилась».

Чуть позже, в феврале 1918 года Федор Раскольников, выступая на открытии Учредительного собрания, от имени фракции большевиков зачитал декларацию, в которой прозвучало уточненное определение «Великая Октябрьская революция». С конца 30-х годов за событиями осени семнадцатого года закрепилось понятие «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Для большевиков захват власти выглядел процессом необратимым, поэтому статус «революция» прочно вошел в официальный лексикон.

Система власти, формировавшаяся в конце 1917-го – начале 1918 годов была объявлена диктатурой пролетариата. Карл Маркс пишет в своей работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.»: «Социализм есть объявленная революцией классовая диктатура пролетариата как необходимая ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия; к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений» [1; 91].

Слова эти стали реальностью в ходе формирования институтов советской власти, в основе которой лежала идея диктатуры пролетариата. А всякая диктатура означает ограничение (утеснение) прав и свобод граждан.

С чем не могло согласиться общество, формировавшееся в стране после падения монархии.

***

Февраль и октябрь 1917 года – явление закономерное в отечественной истории. Их революционная концепция формировалась исподволь – начиная с Ходынки государственная власть выглядела ненадежной, безвольной и потому бесперспективной.

Россия на рубеже XIX–XX веков жило по принципу, осмеянному Чеховым еще в начале 1880-х годов:

– Все будет идти по-прежнему.

Жить по-прежнему не хотелось.

Тем не менее события октября 1917 года пресса встретила настороженно.

Переворот – это переворот.

Максим Горький писал в своей газете «Новая жизнь» (первый номер газеты вышел 18 апреля 1917 года благодаря активной финансовой поддержке самого писателя): «Кому и для чего нужно все это? Центральный комитет партии большевиков, очевидно, не принимает участия в предлагаемой авантюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил слухов о предстоящем выступлении, хотя и не опроверг их».

Уместно спросить – неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обычного кровопускания?»?

Это – номер «Новой жизни» от 18 октября 1917 года.

Горький предупреждает общество о грядущей стране опасности.

Горький рассчитывает на благоразумие людей, затевающих эту авантюру.

Горький напоминает об исходе авантюры, затеянной партией: «кровопускание» 1905 года не забыто.

Тогда писатель вошел в состав депутации, встречавшейся с премьером Витте. И когда стало ясно, что власть готова подавить выступление силой, Горький выступил с «Обращением», в котором открыто призывал к борьбе с самодержавием.

Сегодня на календаре не январь пятого года, а октябрь семнадцатого, самодержавие свергнуто, Временное правительство провозгласило право гражданам на свободную жизнь, прошли выборы в Учредительное собрание, и писатель призывает к благоразумию.

Нужна созидательная доброта по совершенствованию государственной власти в стране.

Все дальнейшие колонки, излагавшие «несвоевременные мысли» писателя, были посвящены актуальным проблемам дня – формированию демократического облика новой России: сохранению и преумножению ее культурного потенциала, укреплению демократических институтов общества; сбережению и преумножению духовных ресурсов страны, стремящейся жить в новых социальных условиях.

С каждым номером «Новой жизни» колонки Горького становились все более жесткими.

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия» (7 ноября 1917 года).

«Воображая себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России – русский народ заплатит за это озерами крови» (10 ноября 1917 года).

И так далее.

Революция созидательна по своей сути или в ее основе лежит принцип всеобщего разрушения, дикое стремление отречься любыми способами от старого мира во имя неясных иллюзий опоры на порождение обновленного народовластия, опирающегося в том числе и на насилие?

Поиски ответа на этот вопрос для Горького были решающими.

Для писателя это был вопрос не тактики, а стратегии, определявшей роль общества и прежде всего – созидательных, которые общество могло использовать.

Эти ресурсы – наука, культура, образование, духовно-нравственный потенциал миллиона людей.

Газета «Новая жизнь» опубликовала в апреле 1917 года – июне 1918 года 81 колонку Максима Горького. По решению Революционного трибунала выпуск всех оппозиционных газет России был запрещен.

Список литературы

1. Маркс К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва, 1984. – т. 7.

*Сергей Страинов,
Иваново*

Традиции просветительского посредничества в отечественной журналистике последнего столетия

За исключением тех немногочисленных случаев (период «крестьянских» реформ, «перестройка»), когда СМИ сами становятся властью, журналист выступает как переводчик и связник – чаще всего между носителями эксклюзивной информации (политической, экономической, технической, научной, художественной) и аудиторией. Такое посредничество приобретало в истории формы разнообразные: редакционный сотрудник нередко лишь озвучивал запросы управленческих и бизнес-элит в качестве их пропагандистского рупора; напротив, выступал иногда регулятором отношений общества с государством; но мог, защищая интересы населения, становиться и для него, и для правительства мудрым наставником.

Российское идейное просветительство зародилось в публицистике и литературной критике революционных демократов середины XIX века, а в следующем столетии было унаследовано отнюдь не теми, кто, возглавив новую страну, провозгласили себя их наследниками, а скорее «попутчиками» большевиков. В таких изданиях 1920-х годов, как «Красная новь» А. Воронского и «Новый мир» В. Полонского, просветительство приняло облик социального романтизма – надежды на то, что революция даст возможность преобразиться и раскрыть себя всем голодным, темным и забытым.

Да и позднее, во время «оттепели», просветительство опять-таки не превращалось в оппозицию: считалось, что в авторитарных условиях интеллигенция, будучи неслиянна с властью, должна не избегать с нею контактов и даже сотрудничества, но по возможности стараться переводить собственные отношения с «верхами» из режима административно-командного в русло диалога. Государственных мужей предполагалось вразумлять, поправлять, окультурировать, гуманизировать. Но, допуская

компромиссы, действовали «шестидесятники» исключительно во имя и от имени народа: избиралась стратегия апелляции к общественному мнению и формирования его.

Лучшие авторы тех лет (А. Аграновский и Т. Тэсс, О. Лацис и В. Песков) пытались найти решения как бы заодно с читателями, учили думать, более всего ценя свободную от предначертанных путей, от официальных предписаний ищущую мысль. С большими осложнениями для редакций и отдельных публицистов поддерживалась подобная линия и в годы «застоя» – усилиями «Литературной газеты», «Комсомольской правды», отчасти «Известий». Движение в том же русле наблюдалось в начальный период «перестройки», однако вскоре журналистика превзошла нормы вынужденной дипломатии, сама превратилась в лидера мнений, властителя дум. Это подавалось некоторыми экспертами и медиакритиками как «золотой» век отечественной периодики и телевидения, но одновременно происходило тогда и нечто противоестественное для природы массмедиа, а именно превращение журналиста в политика натурального – например, в парламентария.

С 1990-х годов структура отечественного медиапространства существенно видоизменяется: резко увеличивается ассортимент, аудитория расслаивается, а тиражи, что естественно в создавшейся ситуации, падают. И если на протяжении полутора веков просветительская позиция оставалась одной из самых устойчивых, престижных и влиятельных в журналистике, то отныне, образуя как будто бы собственную нишу, она оказывается равной среди многих.

Впрочем, даже подобная ниша дробится на несколько частей. При этом некоторые из них еще недавно, в поздний советский период, имели чуть ли не наивысшую популярность, однако затем круг их поклонников сузился и все же не исчез. Это «толстые» литературно-художественные и общественно-политические журналы, обращенные к старшим поколениям интеллигентов, а также издания универсальные и научно-популярные.

Но в первых адресат и – соответственно – просветительство скорее внутренние, зато в остальных и в том, и в другом рассчитывают на большее. «Аргументы и факты», к примеру, устами своего легендарного редактора В. Старкова позиционировались следующим образом: «У нас газета на 90 процентов школа выживания и только на 10 процентов – политика. Причем политика в «АиФ» – это цель и подсказка, совет читателям и власти, а не разоблачения» [2; 23]. «Мы пытаемся помочь людям в будничной жизни. Школа выживания – это здоровье, сад-огород, мода, красота, отношения мужчины и женщины, дети. На эти темы и пишем. Между прочим, и о погоде. И делаем это абсолютно сознательно. А еще отвечаем на насущные вопросы читателей» [2; 24].

Отсюда можно вывести предположение, что просветительские СМИ эволюционируют в сторону потребительской, мидл-прессы. А последняя представляет собой уже и не нишу, а достаточно заметное направление, которое И. М. и М. И. Дзялошинские подают как журналистику «соучастия, сотрудничества, соратничества» [1; 33 – курсив авторов], помощи и взаимопонимания. То есть и здесь просматривается установка не исключительно на обслуживание, еще – на развитие, и противостоят современные просветительские СМИ, с одной стороны, элитарно-специализированным, а, с другой, – массовым.

К тому же в новых условиях профессиональный редактор не столько учит, сколько поправляет, организует информационные потоки. Он фильтрует материалы из социальных сетей, блогов, других источников любительской журналистики, исподволь проводя с населением уроки медиаобразования, которые неплохо было бы сделать явными и систематическими.

Просветительство – одна из самых достойных тенденций в отечественной журналистике¹, что можно обосновывать при помощи не только сравнительно-исторического, но также историко-функционального метода исследования массмедиа. И даже почти утратив былые претензии на искания идейные,

---

¹См. об этом, например: 3; 240.

просветительское посредничество сохраняет свое значение в качестве плодотворной традиции.

Список литературы

1. Дзялошинский И. М. Российские СМИ : как создается образ врага : Статьи разных лет / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская. – Москва : Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008.
2. Старков В. «Аргументы и факты» – действительно независимая газета / В. Старков // Журналист, 2000, № 7. – С. 21-24.
3. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. / Д. Л. Стровский. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001.

*Александр Тертычный,
Москва*

Журналистика советская и журналистика современная: опыт сравнения

Двадцать пять лет, прошедшие с начала «перестройки» в нашей стране, дают возможность соотнести сегодняшнюю журналистику с журналистикой советской. Хотя, например, по мнению известного телеведущего В. В. Познера, «в России никогда не было журналистики, потому что никогда не было трех реальных властей. Реальные – это независимые друг от друга, иначе это не власть. В России была царская власть, она же и исполнительная...». Он также уверен, что «советская журналистика не имела к журналистике отношения. Это была чистая пропаганда...» и что, когда «пришел к власти Горбачев, то благодаря ему, нелюбимому нашим народом, и благодаря его ближайшему сподвижнику (завотделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлеву), зародилась в России журналистика» [5; 3]. Трудно предположить, что по этому поводу сказали бы великий поэт и редактор журнала «Современник» А. С. Пушкин, или В. Г. Короленко, или В. Г. Белинский, или В. М. Дорошевич, или В. А. Гиляровский, или А. А. Аграновский, или В. И. Селюнин и еще армия известных или неизвестных В. В. Познеру российских и советских тружеников пера, микрофона и камеры, на протяжении почти трех веков, наивно мысливших себя журналистами. Но, очевидно, у телеведущего есть какие-то основания считать, что в нашем отечестве, в отличие от других стран, с журналистикой не все в порядке [14; 3]. Возможно, что одной из главных причин подобного утверждения является то, что в понятие «журналистика» разные авторы вкладывают разное содержание.

Впервые слово «журналистика» употребил в 1825 г. Н. А. Полевой в качестве названия рубрики в «Московском телеграфе», в которой рассказывалось о выходящих новых журналах. В дальнейшем это понятие обрело иное, более широкое наполнение, близкое к реальному содержанию той деятельности, которой за-

нимались журналисты. Дать определение сути журналистики на разных этапах ее развития пытались и пытаются многие практики и теоретики журналистики. Одной из главных при этом была цель – отделить «чистую», «правильную» журналистику от «неправильной», «нечистой», хотя сделать это вряд ли возможно, в силу постоянной и неизбежной исторической трансформации содержания и формы журналистики [1; 241-273].

Если вести речь о современной журналистике, то самыми, казалось бы, простыми и приемлемыми в этом плане выглядят определения, подобные высказанному широко известным американским журналистом Робертом Перри, который считает, что «журнализм можно определить, как сбор фактов, не противоречащих здравому смыслу, и представление их понятным для рядового человека образом» [13; 3]¹. То есть здесь речь идет о некоей «объективной» журналистике, «регистрирующей», подобно службам статистики, некие события, и только подающие аудитории «достоверные факты», никак не интерпретируя их. Несмотря на широкое распространение такой точки зрения на суть исследуемого феномена, практика, однако, показывает, что реальная журналистика отнюдь не исчерпывается реализацией подобной функции. Поэтому появляются теории, расширяющие представление о функциях и формах журналистики. Так, например, современный исследователь, профессор И. М. Дзялошинский в своей книге «Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям» [4; 8-11], обосновывает три главные проявления этого феномена в обществе, в зависимости от характера взаимоотношения журналиста и аудитории: 1) журналистику информирования (рыночную журналистику); 2) журналистику влияния (журналистику управления); 3) журналистику соучастия (гражданскую журналистику). Взаимодействие этих проявлений, по мысли ученого, приводит к появлению гибридных форм журналистики. Причем, как показывает практика, все эти формы могут сосуществовать в пределах одного и того же общества.

¹Перри Роберт. Как работает пропаганда США // <http://www.odigitria.by/2015/06/27/kak-rabotaet-propaganda-ssha/> (дата обращения: 15.2016.).

Это как бы «всеохватывающее» представление о журналистике тем не менее должно быть дополнено, по мнению М. Корнева, одним очень важным нюансом, а именно: «настоящей журналистикой в ее традиционном понимании является только тот вид деятельности, который связан с **общественным интересом**, с ценностями гражданского общества. Это вовлеченная в интересы общества работа с информацией. Остальное – различные формы работы с информацией в сфере массовых коммуникаций» [10; 1].

Теперь, учитывая сказанное, попробуем ответить на вопрос: действительно ли журналистикой в нашей стране можно называть только журналистику, появившуюся после прихода к власти М. С. Горбачева? С этой целью попытаемся «примерить» названные выше рамки вариантов журналистики к советской журналистике и современной российской.

Итак, проявлялась ли в Советском Союзе модель, названная выше **«журналистикой информирования (рыночной журналистикой)»**? Ну, поскольку в СССР была плановая, а не рыночная экономика, то и рыночной журналистики, как таковой (подобной существующей в современной России), не существовало. Однако означает ли это, что советская журналистика не осуществляла функцию информирования общества? Отнюдь нет. В советскую аудиторию поступал огромный поток информации самого разного содержания (политической, экономической, научной, культурной, спортивной и пр.), производимой и распространяемой информационными агентствами, газетами, радио, телевидением. И в этом смысле «информационная журналистика» в советском обществе существовала. Правда, она существовала прежде всего на правах средства познания актуальной действительности, а не рыночного товара, подобного производимому ныне рыночными (коммерческими) СМИ. И собственный опыт, и знакомство с подшивками газет и журналов разных периодов советской журналистики показывают, что на ее страницах опубликован огромный объем текстов в собственно журналистских жанрах – заметках, интервью, корреспонденциях, статьях, рецензиях, очерках, фельетонах и т. п.,

которые дают глубокое представление о жизни советского народа, его проблемах и достижениях. По своему содержанию информация, поставляемая советской журналистикой, была нацелена на отображение важнейших социально значимых явлений жизни страны, связанных с базовыми потребностями народа, и поэтому резко отличалась от той информации, которую производят современные рыночные СМИ России.

Современная российская «журналистика информирования» нацелена на производство прежде всего сенсационной, развлекательной информации, оперативно поставляемой в массовую аудиторию и активно потребляемая ею. За последние два с лишним десятилетия такая аудитория была приучена («посажена на иглу») потреблять продукт именно такого рода. Свою роль в развитии данного вида журналистики, естественно, играет не только рынок информации, спрос на неё, но и повсеместное распространение Интернета, компьютерных технологий. Огромный объем информации, поступающей из глобальной сети, предполагает все большую краткость, все большую сенсационность сообщений, все большую оперативность их поставки, ибо именно это все больше позволяет им попасть в «топ-10» и быть замеченными аудиторией на фоне другой информации (чтобы заработать деньги). Сказанное не означает, что советская журналистика, в отличие от нынешней, вовсе не поставляла аудитории развлекательную или сенсационную информацию. Однако объем ее, по сравнению с информацией иного плана, был относительно незначительным.

Что касается **«журналистики влияния (журналистики управления)»**, то факт существования этой модели журналистики в Советском Союзе известен, пожалуй, каждому. Без сомнения, эта модель была преобладающей в советских СМИ. Очевидно, именно поэтому, характеризуя в целом журналистику, существовавшую в советский период, некоторые теоретики и практики часто применяют термины: «тоталитарная», «застойная», «несвободная», «подцензурная» и т. д., в отличие от журналистики постсоветского периода, которую, напротив, часто именуют «свободной», «независимой», «объективной» и т. п.

Разумеется, эти понятия могут восприниматься только как эмоционально выраженные ярлыки, в реальности не помогающие увидеть действительное сходство или различие журналистики разных периодов в жизни страны [15; 11-13].

Что же собой представляла «журналистика влияния (журналистика управления)» советского времени? Чтобы правильно судить о характере данного вида журналистики в СССР, необходимо принимать во внимание некоторые важные факторы, определяющие его характер. Первым в их ряду, очевидно, следует назвать учредителя всех советских СМИ, которым, как известно, был отдел пропаганды ЦК КПСС. Хотя средства массовой информации учреждались им по согласованию с советскими (властными), профсоюзными и другими органами. Обобщенно говоря, учредителем советских СМИ выступало государство. Надо заметить, что это был путь, который в России начал еще Петр I, учредивший, как известно, в 1703 году первую российскую печатную газету «Ведомости». В свою очередь, он принял на себя эту роль по примеру некоторых европейских монархов, учреждавших печатные издания еще в начале XVII века [6; 1]. Он же подбирал журналистов для работы в «Ведомостях», определял им жалованье. При этом журналисты числились чиновниками определенного ранга. В газете Петр I видел проводника важных для государства идей, средство информирования о важнейших для страны событиях и пр.

Поскольку СМИ в СССР учреждались и оплачивались государством, то и журналисты, разумеется, не могли не служить ему, выполняя роль проводника идей партии и решений правительства. Эта роль советской журналисткой, как известно, реализовывалась в русле таких важнейших функций, как агитация, организация, пропаганда. Эти функции, наряду с другими, «журналистскими» функциями, особенно заметно стали реализовываться в деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса в период их работы в газете *Neue Rheinische Zeitung* (1848 г.), ставшей предвестником будущей «журналистики нового типа», то есть коммунистической журналистики. Они полагали, что выполнение таких функций отнюдь не противоречит принципам сво-

боды печати, за которую им приходилось в то время активно бороться [8; 30-84]. И агитацией, и организацией, и пропагандой советские журналисты занимались и в период гражданской войны, и в период индустриализации страны, коллективизации ее сельского хозяйства, и в период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, а потом – в послевоенные годы – годы восстановления разрушенного народного хозяйства, освоения целинных и залежных земель, развития науки, культуры, образования, создания современных вооруженных сил и т. д., сражений в «холодной войне» с Западом и т. п. В силу этого «человек с редакционным удостоверением воспринимался и сам себя воспринимал государственным человеком. Мы отвечали за страну...» [3; 2].

Существует ли «журналистика влияния (управления)» в современной России? Иначе говоря, занимаются ли современные журналисты тем же, чем занимались советские журналисты – агитацией, пропагандой, организацией? Вряд ли можно сомневаться в том, что она есть. Уже в первые годы «перестройки», те самые годы, которые В. В. Познер назвал временем появления настоящей журналистики в России, «журналистика влияния» расцветала буйным цветом. Правда, она была не столь «тоталитарна», как в советское время, в том смысле, что владело ею не столько новое буржуазное государство, в лице ветвей власти, сколько ее главные «столпы» (олигархи, промышленно-финансовые группы, корпорации, бизнесмены). Как установил профессор В. Л. Иваницкий, СМИ в начале 1990-х гг., добившиеся долгожданной юридической свободы от государства, но лишившиеся его финансово-материальной поддержки, почему-то почувствовали необходимость найти нового хозяина и быстро оказались в руках у «денежных мешков». Так в распоряжении В. Гусинского появились 6 телекомпаний, 2 радиостанции, 3 еженедельника, 1 газета, 1 интернет-служба, несколько зарубежных и региональных медиапроектов, 4 кинокомпании, 2 ЗАО; у Б. Березовского – 2 телекомпании, 1 радио, 2 газеты, 1 журнал, 1 информационное агентство, 1 издательский дом; у РАО «Газпром» – 2 телекомпании, 1 региональная спутниковая

сеть, 1 региональная вещательная система, 1 радиостанция, 2 газеты, 2 журнала, более 100 региональных изданий; у В. Потанина – 1 радиостанция, 1 информационный холдинг, 1 журнал, 1 информационное агентство, 1 холдинг («Связьинвест»); у группы «Лукойл» – 3 телекомпании и 1 газетный холдинг; у Ю. Лужкова 5 телекомпаний, 1 радиоккомпания, 1 проводное радио (г. Москвы), 9 газет, 1 рекламное агентство, 1 киностудия «Мосфильм»; у группы Б. Гиллера – 21 еженедельник; у группы «Виктор Шварц и К» – 6 газет; у Ю. Якутина – 4 газеты и 2 журнала; у П. Гусева – 3 газеты и 2 журнала; у В. Яковлева – 1 газета и 5 журналов, и т. д. [7; 6-24].

Именно журналисты, еще не утратившие ореол верных слуг народа, обретенный ими в условиях «тоталитарной» советской журналистики, оказались одной из главных сил влияния, приведших на российский олимп Б. Н. Ельцина и в дальнейшем, вместе с олигархами, активнейшим образом осуществивших предвыборную пропаганду, агитацию и организацию с целью его переизбрания в 1996 г. (вспомним деятельность Е. Киселева, С. Шустера, Н. Сванидзе и пр. «демократически настроенных» журналистов). Накал либерально-буржуазной, а также анти-российской пропаганды не снижается во многих СМИ до сих пор. Современная «журналистика управления (влияния)», как и в советское время, проявляет себя не только на политическом поприще, но и в других направлениях. В данном случае она, например, часто реализует (с определенной степенью успешности) известную с советских времен организаторскую функцию. Взять хотя бы проведенную российским ТВ акцию по сбору средств для пострадавших во время последнего наводнения на Дальнем Востоке или организацию каналами ТВ сбора средств на дорогостоящее лечение больных детей, которым государство не в состоянии помочь и др. Так что «журналистика влияния» жива и здорова, она лишь поменяла хозяина, характер и «векторы действия», понеся, правда, большие потери имиджевого плана – потери доверия населения [11; 1].

Теперь ответим на следующий вопрос: заявляла ли о себе в советской журналистике **модель «журналистики соучастия»**,

то есть проявлялась ли в ней связь с общественным интересом? Если исходить из того, что советская журналистика была «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма...» [11; 99 –105], занималась пропагандой и пр., то говорить о реализации в ее пределах модели «журналистики соучастия» кажется неуместным. Ведь сразу возникает вопрос: можно ли, служа государству, одновременно служить и обществу? Ответ очевиден – это возможно только в одном случае, а именно: если само государство выражает интересы общества, служит ему. С точки зрения тех, кто считает, что государство всегда враждебно обществу, такого вообще не может быть. Поэтому резонен вопрос, было ли враждебным обществу советское государство? Ответ на этот вопрос, опять же, может быть разным. Представители либеральной части современного общества считают, что это безусловно так. И, возможно, потому, что испытывали определенные ограничения своих амбиций со стороны государства. Но это только мнение одной, вероятно, незначительной части населения, не подкрепленное какими бы то ни было фактическими, научными данными. А те данные, которые есть (например, результаты референдума, проведенного в стране по поводу сохранения СССР, когда за это высказалось 77,85 % от всего проголосовавшего населения [2; 1]²), говорят скорее об обратном. По крайней мере, если судить по уровню тех возможностей, которые были практически у всего населения СССР (постоянная работа, бесплатное жилье, медицина, образование, порядок и пр.) и вектору провозглашаемых государством целей, оно двигалось в направлении все более общенародного. Здесь, конечно же, есть место определенному скепсису. Но если даже предположить, что на деле все было не совсем так, то сама тенденция развития государства, сами идеи, которые оно провозглашало, совпадали с чаяниями и надеждами подавляющей части народа. Поэтому, служа такому государству, журналист не ощущал себя противопоставленным обществу. Тем более что результативность его публикаций, то есть, последствия, которых с их помощью добивались журналисты,

²Всесоюзный референдум о сохранении СССР: https://ru.wikipedia.org/wiki/дата_обращения_10.11.2016.

была вполне ощутимой. Разумеется, что это достигалось за счет включения журналистики в «административную вертикаль» и законов, которые требовали от органов управления обязательной реакции на критику в прессе. Поэтому многие люди, обращаясь к журналистам за помощью, практически всегда ее получали. «Журналист исполнял обязанности советчика, прокурора, исповедника, судебного исполнителя, инспектора отдела кадров... Он был изнутри той жизни, которую по мере сил пытался описывать» [3; 3]. Именно поэтому журналист ощущал себя полноправным представителем общества (несмотря на известную условность этой роли), пользовавшимся большим доверием с его стороны.

Примечателен и тот факт, что на протяжении всего существования советской журналистики, содержание ее в большом объеме формировалось при активном участии населения. Каждая газета, журнал, РВ и ТВ имели своих внештатных корреспондентов (рабкоров, селькоров, военкоров, юнкоров), которые постоянно публиковали свои произведения в прессе. В стране их насчитывалось миллионы. В каждой более-менее крупной редакции была общественная приемная, которую постоянно посещали люди, нуждавшиеся во вмешательстве СМИ, при решении каких-то значимых вопросов. Самыми большими отделами в СМИ были отделы писем. Корреспонденция шла в редакции непрерывным потоком и каждое письмо тщательно рассматривалось редакцией, отслеживалась его судьба. Часть из них публиковалась, часть отсылалась в соответствующие инстанции для принятия мер, по некоторым журналисты выезжали в командировки, проводили расследования.

Существует ли «журналистика соучастия» в пределах современной российской журналистики? Безусловно. Есть, например, такие издания, как «Аргументы и факты», которые охотно взаимодействуют с аудиторией, постоянно публикуют письма читателей и т. п. Но конечно же, в наибольшей мере «журналистика соучастия», уже в новых формах, развивается в виртуальном пространстве глобальной сети. Конечно, можно сказать, что этот вид журналистики пока отнюдь не превалирует на

поле массовой информации России, но это не отменяет факта его существования.

Таким образом, сравнение содержания, функций и форм феноменов, определяемых как «советская журналистика» и «современная российская журналистика», показывает, что и в той, и в другой проявляли и проявляют себя все три принципиально возможные модели журналистики. Отличие между советской и нынешней журналистикой заключается прежде всего в превалировании той или иной из моделей (их сочетании) в советское и в настоящее время, в их содержательном наполнении, в том, достижению каких ценностей, целей они служат. Журналистика же как таковая, с ее достоинствами и недостатками [9; 4-17], существовала (в разных ее проявлениях) на всех этапах развития России, включая советский период, существует она и в настоящее время.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е. Л. Вартанова. – Москва, 2013. – С. 241-273.
2. Всесоюзный референдум о сохранении СССР. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 10.11.2016.)
3. Гутионтов П. Была советской, стала светской / П. Гутионтов, А. Плутник, Л. Шинкарев // Российская газета. – Федеральный выпуск № 4644 (0).
4. Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. / И. М. Дзялошинский. – Москва, 2006. – С. 8-10.
5. До Горбачева в России была лишь пропаганда, считает телеведущий. // <https://ria.ru/society/20130525/939437174.html> (дата обращения 17.11.2016).
6. Зарождение и развитие журналистики в Европе. URL: <http://evartist.narod.ru/text8/51.ht> (дата обращения: 5.11.2016).
7. Иваницкий В. Л. Практические методы достижения экономической стабильности независимых СМИ / В. Л. Иваницкий. – Москва, 2000. – С. 6-24.
8. Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (дебаты о свободе печати) / К. Маркс, Ф. Энгельс // Издание второе. Том 1. – С. 30-84.
9. Короченский А. П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 4-17.
10. Корнев М. Как изменилось понятие «журналистика» в современ-

ном цифровом пространстве? / М. Корнев. URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/kak-izmenilos-ponyatie-zhurnalistika-v-sovremennom-tsifrovom-prostranstve/> (дата обращения: 12.11.2016).

11. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература / В.И. Ленин // ПСС – 5 изд. – Том 12. – С. 99-105.

12. Опрос показал снижение доверия россиян к данным СМИ. URL : <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/580331349a794799c1ec2e6c> (дата обращения: 19.11.2016).

13. Перри Р. Как работает пропаганда США / Р. Перри. URL: <http://www.odigitria.by/2015/06/27/kak-rabotaet-propaganda-ssha/>(дата обращения 15.11.2016).

14. Романова О. Кризис журналистики / О. Романова // Смена, июнь 2011. – URL: <http://smena-online.ru/stories/krizis-zhurnalistiki> (дата обращения: 3.10.2016).

15. Тулупов В. В. Теория и практика современной российской журналистики / В. В. Тулупов. – Воронеж, 2007. – С. 11-13.

*Владимир Тулунов,
Воронеж*

Валентин Катаев – журналист и редактор

Почему Катаев?

Во-первых, потому, что он широко известен как талантливый русский советский писатель, драматург, даже как киносценарист и поэт, но почти не известен как человек, в течение всей жизни связанный с редакционно-издательской деятельностью.

Во-вторых, его литературная деятельность стала отражением, кажется, всех важнейших событий прошлого века, вплоть до перестроечного времени.

В-третьих, для литературного наследия Валентина Петровича Катаева характерно, на наш взгляд, органичное переплетение художественного и публицистического начал, особенно в последний период его творчества.

Первые стихотворения Вали Катаева были опубликованы в газетах «Одесский вестник», «Южная мысль», «Одесский листок», «Пробуждение», «Лукоморье». Затем, во время войны, на которую ушел добровольцем, не окончив гимназии, он писал корреспонденции об «окопной жизни» солдат. В начале 1920-х гг. вместе с Ю. К. Олешей и Э. Г. Багрицким работал в ЮгРОСТА, сочиняя агитационные тексты для плакатов. Об этом времени писатель впоследствии скажет так: «Холодно. Голодно. Коченеют руки. И вместе с тем как работалось!.. Еле в отморозенных руках держишь карандаш... Бумага рвется... и тем не менее... у редактора на столе – фельетон. Да не какой-нибудь, а огненный, страстный».

В 1922 г. В. П. Катаев переезжает в Москву и начинает публиковаться в «Литературных приложениях» берлинской газеты «Накануне», в сатирических журналах «Крокодил», «Смехач», «Чудак», «Бузотер», «Красный перец», «Заноза с красным перцем». Он активно публикуется в «Правде», «Рабочей газете», «Труде», «Красной ниве», «Огоньке», подписываясь под юморесками и фельетонами псевдонимами Старик Саббакин, Ол. Твист, Митрофан Горчица, Красным по белому, Валяй Катаев.

Главным редактором «Рабочей газеты» был старый большевик Николай Смирнов, который при этом слыл американистом с деловой хваткой, предложивший молодому автору давать по шесть фельетонов в месяц, и этот контракт выполнялся безукоснительно. 23 ноября 1924 г. в первой же передаче «Радиогазеты РОСТА» прозвучал катаевский фельетон. Но особая страница в журналистской деятельности В. П. Катаева тех лет – это редакция газеты «Гудок», в которой он начал работать в 1923 г. и в которой собрались уникальные авторы (достаточно назвать имена Михаила Булгакова, Юрия Олеши, Демьяна Бедного, чтобы оценить творческий потенциал этого коллектива¹).

Катаев писал фельетоны о том, что составляло жизнь России времен НЭПа: о финансовых авантюристах и чванливых бюрократах, о самогоноварении и «вещизме», о злостных хулиганах и беспечных обывателях. И эта «газетчина», пишет С. Шаргунов, «ставшая невытравляемым опытом, наделяла писателей особым, в сущности, античным мастерством – искусного смешения «низкого» с «высоким», мелочного со сказочным. Читая Катаева, Булгакова, Олешу, порой сложно определить границу фельетона и лирики. Ранний Катаев «хихиканья» и бытового гротеска, поздний Катаев горечи и исповедального мовизма – это один и тот же писатель, да и сатирический язык Ильфа и Петрова, совершенно очевидно, нес в себе поэтический заряд...» [2; 677]. Четвертая полоса «Гудка» «держала в страхе всех работников транспорта... Фельетоны запомнились. Они больно кусали и крепко жгли... «Гудок» – пора молодости, годы накопления опыта, наблюдений, мыслей, сюжетов, эпитетов, сравнений, метафор...» [2; 677].

В годы Великой Отечественной войны Катаев – военный корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда». В 1957 г. В.

---

¹Интересно, что в начале 1923 г. Катаев и Булгаков задумали издавать сатирический журнал «Ревизор» и даже нашли спонсора, но не получили разрешения в Главполитпросвете. Мечта Катаева выпускать журнал, не имеющий «ничего общего с «желто-бульварными юмористическими изданиями» (из объявления, размещенного в разделе «Жизнь искусства. Литературная хроника» январского номера журнала «Корабль»), почти через сорок лет все же воплотилась в жизнь – при организации им журнала «Юность».

П. Катаев стал основателем журнала «Юность» – своеобразного «рупора» шестидесятников.

В 1962 г. он отошел от редакторской деятельности, но не от литературного творчества. И если повесть «Маленькая железная дверь в стене» еще можно воспринимать как традиционное художественно-публицистическое повествование, то все последующие его произведения – «Святой колодец» (1965), «Трава забвения» (1967), «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» (1972), «Алмазный мой венец» (1975), «Сухой Лиман» (1986) – следует числить по рангу новаторского жанра, изобретенного им самим². Жанра, находящегося на стыке беллетристики и публицистики. Очевидно, что для всех этих произведений характерен эссеизм, проявляющийся в субъективизме, в «свободном течении мысли», эмоциональности, образности («проза неожиданной метафоры»), исповедальности и изошренной наблюдательности.

«Главными героями новых книг Катаева становятся память – особенно на чужие тексты, на стихи – и воображение. Из внешних впечатлений самыми сильными оказываются – сообразно возрасту и статусу в Союзе писателей – больница и заграница <...>. ...Катаев ввел заграницу в свою прозу на равных с другим материалом. Так, вечность, из которой ведет свой рассказ повествователь в «Святом колодце», чудесным образом сопрягается с Америкой. «Траве забвения» добавляет прелести французская подсветка. «Алмазному венцу» придан вид лекций перед условными студентами-славистами, итальянцами, а может, французами» [3].

---

²Доброжелательные критики катаевского творчества считают, уже в книге, посвященной В. И. Ленину, писатель впервые опробовал «принцип мовизма» (от французского *mauvais* – плохой, неприличный), а ленинская тема была лишь прикрытием. Недоброжелатели же обвиняют Катаева в том, что он якобы украл приемы у автора романа «Золотые плоды» Натали Сарроти. Но, во-первых, нет доказательств, что Катаев был знаком с произведением французской писательницы; во-вторых, он ведь не регистрировал патент на мовизскую (грубую) литературу; в-третьих, очевидно, что его проза находится в том русле отечественной литературы, которая представлена именами И. Бунина, В. Набокова, Ю. Олеши и др. Кстати, эта линия нашла продолжение в романе «Таинственная страсть» В. Аксенова.

Известно выражение В. П. Катаева: «...Так как в настоящее время все пишут очень хорошо, то нужно писать плохо, как можно хуже...». Что это? Как это следует понимать? На наш взгляд – как толстовский метод, когда главным для литератора становится выражение сути описываемого в самой органичной форме, которую не следует приглаживать.

Современники неоднозначно оценивали личность В. П. Катаева, хотя при этом все очень высоко оценивали его литературный дар. Критиковали за приспособленчество, за желание потрафить власть предержащим. Один из тех, кого он поддерживал (в том числе напечатав его первый рассказ «Четвертая Мещанская» в журнале «Юности»), Евгений Евтушенко пишет так: «Катаев был циник особого советского типа – циник романтический, циник, артистичный до мозга костей, циник, ненавидящий циников, циник, порой щедрейше помогавший всем, от кого цинизмом и не пахло.

Это был цинизм с сентиментальными порывами. Это был слишком непредсказуемый, неуправляемый вид цинизма, не способный, правда, на Голгофу, но способный на упрямство, неподчинение и прочие капризы, непозволительные с точки зрения цинизма правящего и амебного цинизма большинства» [1; 476].

Известны слова Валентина Петровича Катаева, сказанные в конце жизни: «Какой бы я ни был, я обязан своей жизнью и творчеством Революции. Только Ей одной. Я сын Революции. Может быть, плохой сын. Но все равно сын».

Список литературы

1. Евтушенко Е. Шестидесятник. Мемуарная проза / Е. Евтушенко. – Москва, 2008.
2. Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной / С. Шаргунов. – Москва, 2016.
3. Шохина В. Валентин Катаев : паркур в катакомбах / В. Шохина. – URL: <http://www.peremeny.ru/blog/6945>

Публицисты США 1910-1920-х годов о революции 1917 года в России

В начале XX века европейская и американская публицистика приобретает все более радикальный и политизированный характер. Внешние причины этого очевидны: рост профсоюзного движения, обусловленный обострением конфликта между трудом и капиталом, политизация прессы национальных меньшинств, полемика между представителями разных культурно-коммуникативных стратегий, возникшее на рубеже веков движение «разгребателей грязи», углубление войны журналов и особенно влияние революции 1917 года в России. В журналах и газетах начала XX века («Ивнинг поуст», «Макклюэрс мэгэзин», «Сэтердей ивнинг поуст», «Хьюмен лайф», «Космополитэн» и др.) стали появляться разоблачительные статьи о деятелях Конгресса, о магнатах и дельцах Уолл-Стрит, о коррупции и т. д. Движение расследователей набирало силу. Его первые представители – Ида (Айда) Тарбелл, Дэвид Грэм Филипс, Эптон Синклер, Линкольн Стеффенс, Уил Ирвин – сотрудничали одновременно в качественных и в «желтых» газетах и журналах («Маклюэрс», «Коллиерс», «Космополитэн», «Эврибодиз» и др.) [7].

Американская культура испытала огромное влияние Октября, хотя мнения об этом эпохальном перевороте были самые разные. В социалистической России чаще обращали внимание на тех, кто восхвалял революцию, что объяснимо. Общеизвестна позиция «поэта революции» Джона Рида, автора многих материалов о событиях тех лет, а также знаменитой книги очерков «Десять дней, которые потрясли мир» [6]. Воспев В. И. Ленина как гения политических баталий, Рид сделал ошибку, но он не лгал... Он хотел видеть в революции надежду всего мира, особенно Запада, боролся вместе с большевиками за новую жизнь и умер от тифа в нашей стране в 1920 г. Вдова писателя Джона

Рида Луиза Брайант продолжила дело мужа, создавая в США клубы Джона Рида, ячейки сторонников социализма. Ее документальная книга «Шесть красных месяцев в России» (1919) незаслуженно забыта, а ведь это прекрасный образец живой и эмоциональной публицистики, где любовь и социальная активность одухотворяют текст воспоминаний»[4]. Широко распространялись в нашей стране мнения А. Р. Уильямса, который посетил нашу страну вместе с Дж. Ридом и его женой Луизой Брайант. Книга А. Р. Уильямса «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918» продолжает хронику Дж. Рида, так же, как и Рид, он считает социализм альтернативой западной рыночной системе отношений, клеймит буржуазию за вмешательство в дела России»[1; 54]. Мемуары «Сквозь русскую революцию» были изданы в 1921 году, когда Уильямс уже видел издержки русского бунта, но в целом Уильямс так и остался другом СССР.

С восторгом отозвался о революции в России предтеча «разгребателей грязи», учитель Дж. Рида, сторонник коммунистической идеологии Линкольн Стеффенс. Слова Л. Стеффенса: «Я видел будущее, оно уже действует»[2; 45], сказанные им в 1919 году после поездки в революционную Россию и беседы с В. И. Лениным, стали частью отечественной историографии, посвященной рассматриваемой теме. Вместе с близким другом английской журналистской Эллой Уинтер Стеффенс сделал многое, чтобы доказать западным читателям, что Октябрь не был результатом заговора и подвигом нескольких террористов, купленных на германские и еврейские деньги. Он видел связь между событиями в Петрограде и в Париже конца XVIII века.

Наиболее ярким представителем левого направления в публицистике США 1920-х гг. был Майкл Голд, предвестник «красных тридцатых». Еще в 1920 году была опубликована его статья «Навстречу пролетарской литературе». Ирвинг Гранич, таково настоящее имя писателя, публициста и редактора известных газет и журналов («Liberator», «New Masses»), родился в 1893 г. в Нью-Йорке в семье евреев-эмигрантов. Подростком Голд вынужден был бросить школу. Майкл Голд известен нам в большей степе-

ни как прозаик и публицист, развивавший традиции «макрейкеров». Свои политические взгляды и убеждения Майкл Голд провозглашал не только на страницах собственных произведений – долгое время он вел колонку «Изменим мир» в «Daily Worker», позднее материалы этой колонки были изданы как сборник статей «Изменим мир!» (1936 г.) [3]. Его статьи напоминают разоблачения И. Тарбелл и Э. Синклера. Как и Дж. Рид, он приветствовал большевистский переворот в России, не зная, куда он приведет страну. Он выступил против олигополий, надеясь на революции в Европе. Редакторская деятельность М. Голда затруднялась финансовыми трудностями, что было характерно для пролетарских изданий. Его идеи развивали авторы социалистического журнала New International.

Стиль Голда можно назвать ораторским, язык произведений напоминает язык Уолта Уитмена, это можно проследить в сборнике «120 миллионов». Стиль его поздних произведений гневный, обличительный, призывающий на борьбу, и в то же время с характерным признаком нетерпимости и догматизма, свойственным марксистско-ленинской эстетике тридцатых годов.

Любопытна судьба журналистки Бесси Битти. В книге Бесси Битти «Красное сердце России» дан более трезвый отчет и журналистский очерк о войне и революции. В частности, она показала антивоенные настроения, заявив, что мятеж генерала Корнилова помог большевикам взять власть. Ее описание «десяти дней», апогея восстания в Петрограде не уступает по стилю знаменитому на весь мир произведению Рида, документальность и точность детали заставляют говорить о высоком уровне профессионализма, хотя отсутствие знаний по истории и теории марксизма и т. п. не делают ее зарисовки историческим документом. Но ее интервью с В. Лениным и Л. Троцким стали историей. Вместе с Дж. Ридом, А. Р. Уильямсом и Л. Брайант Бетти Бисси много путешествовала по России, видела радость и горе народа. Ее ужаснула стычка 11 ноября 1917 года солдат ленинской Красной гвардии с отрядом семнадцатилетних кадетов, защищавших какое-то здание согласно присяге. Смерть юношей стала знаковой для мышления журналистки из США,

она с горечью пишет, что надежды на мирную передачу власти похоронены самими большевиками. В ее репортажах, опубликованных в журнале «Маккол», очевидно сочувствие революционерам и отсутствие ясного понимания, куда приведет стихийная волна революции.

Иная тональность в публицистике американского поэта-авангардиста Э. Э. Каммингса. В 1920–1930-х годах Каммингс много путешествовал по миру с остановками в Париже, где он долго жил. В 1931 г. он съездил на два месяца в Россию. Свое «писательство журналистского толка» (journalism and writing) [7] поэт-скептик подытожил в книге «ЭЙМИ, или Я ЕСМЬ». Как и другие критики революции, автор путевых и дневниковых заметок задает вопрос: каков результат революции? Ответ более чем мрачен: «мерзость». Не зная еще ужасов сталинизма, американец четко дает портрет ленинизма как тоталитаризма, сатирически рисуя партию большевиков и с тревогой рассуждая о нужде рядовых граждан как основном результате «реформ». Критикуя советский «рай», автор подчеркивает наличие цензуры, подозрительности, идеологии страха, репрессивность морали, серость каждодневной жизни. Речи в тексте американца о пытках в ЧК и НКВД нет, но есть неприятие методов управления страной, есть презрение к бюрократии, захватившей власть. Много личных эмоций, навеянных культом вождей и лже-патриотическим военным психозом. Демократ и индивидуалист Э. Каммингс с презрением говорит о партийных бонзах, о грязи на улицах, об интеллигенции, оправдывающей свою трусость новым мировоззрением «коллективизма и государственности» [5; 35-36].

Итак, картина русских революционных событий и преобразований в публицистике США весьма пестрая, хотя в первой половине XX в. рецепция Октября была более энтузиастической, чем после смерти Сталина, а общая западная перцепция в журналистике также отличалась скорее энтузиазмом и любопытством, а не злобой и ненавистью, как долгое время рисовали ее наши советские СМИ.

Список литературы

1. Рис Вильямс Альберт Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917-1918 / Вильямс Альберт Рис. – Москва, 2006.
2. Гиленсон Б. А. Октябрь в литературе США (1917-1920) / Б. А. Гиленсон. – Москва, 1968.
3. Майкл Г. Проклятый агитатор / Г. Майкл. – Москва : Недра, 1925.
4. Писатели США о Стране Советов. – Москва, 1983.
5. Приключения нетоварища Кемминкса в Стране Советов : Э. Э. Каммингс и Россия. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
6. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / Дж. Рид. – Москва, 2001. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1000563212-desyat-dnej-kotorye-potryasli-mir-dzhon-rid> (дата обращения 15.11.16).
7. Хорольский В. В. «Новый журнализм» в США: проблема факта и домысла. Научные Ведомости Белгородского госуниверситета / В. В. Хорольский, 2012, № 4. – С. 160-167.
8. Bryant L. The mirrors of Moscow / L. Bryant // N.-Y., 1923.

*Виктор Штепа,
Белла Пастухова,
Москва*

Специфика отражения истории России в научно-популярных печатных СМИ

Проблематика сохранения, переосмысления и популяризации истории России сегодня как никогда стоит на повестке дня. Данный вопрос рука об руку идет с возрастающим фокусом на патриотическое воспитание подрастающего поколения, молодежи.

Не случайно в начале 2016 г. президент Российской Федерации В. В. Путин учредил своим указом создание фонда «История России». Среди ключевых задач фонда сохранение наследия и традиций народов России, популяризация российской истории через поддержку российских ученых и программ исторического просвещения [3].

Традиционным способом распространения научного знания в обществе являются представление соответствующей тематики в научно-популярных изданиях. Данное направление журналистики, благодаря переводу научного знания на язык, доступный широкой аудитории, выступает неотъемлемым элементом в системе взаимодействия общества и науки. Таким образом реализуется просветительская функция журналистики.

Общественные науки, и в том числе история, пользуются высоким интересом со стороны читателя. Со стороны общества существует запрос на объективное, академическое представление информации об исторических процессах. При этом не секрет, что историческое знание, факты могут быть своеобразно истолкованы в интересах тех или иных политических сил. Кроме того, есть определенные сложившиеся представления, оценки граждан об исторических событиях, фигурах. Период с 1917 г. по 2000-е гг. в истории России как никакой другой вызывает повышенный интерес у читателя. Учитывая высокий уровень политизации и тенденциозности данного периода, на журналистах, занимающихся популяризацией истории, лежит

повышенная нагрузка, так как они «несут ответственность перед обществом не только за формирование в нем исторического сознания, исторической памяти, исторической культуры, но и в значительной степени за то, как Россия и русские, история страны воспринимаются за рубежом» [1; 314-317].

Российские и зарубежные исследователи массмедиа выделяют и всеобщую тенденцию к глобализации экономической, политической и культурной жизни. Эти процессы немислимы, по мнению В. А. Сидорова, без укрепления в мире стандартов журналистской деятельности. Именно в переломные периоды роль журналистики и средств массовой информации особенно значима, т. к. в эпоху преобразований социального, экономического и политического характера «уплотняется и ускоряется поток политической информации... А в кризисные периоды исторического развития люди в состоянии социального беспокойства особенно подвержены внушению, легко откликаются на различные новые стимулы и идеи, а также более податливы к пропаганде» [2; 28].

На сегодняшний день значительную долю в медиапространстве занимают телевизионные передачи разных форматов, ориентированные на освещение исторических событий. Яркими примерами являются популярный цикл передач «Намедни» Л. Парфенова, многочисленные проекты Э. Радзинского, посвященные разным этапам истории, в том числе советского и постсоветского периода, документальные проекты Первого канала: «Маршалы Победы», «Рассекреченная история» и др.

На рынке печатных СМИ представлен ряд специализированных на истории научно-популярных изданий: «История в подробностях», «Военно-исторический журнал», «Родина», «Московский журнал. История государства Российского», «Дилетант». Многие из них являются продолжениями изданий дореволюционной эпохи: «Московский Журнал», основанный Н. М. Карамзиным в 1791 г., «Родина», берущая свое начало в 1879 г.

Большая часть этих журналов появляется в период перестройки и в начале 1990-х гг., рубрики, посвященные истории, появляются в большинстве научно-популярных изданий: «Во-

круг света», «Наука и жизнь», «Знание – сила». Ряд изданий был запущен относительно недавно – в 2010-х гг., что отвечает возрастающему интересу обывателя к объективному взгляду на историю. Предоставить такой взгляд читателю в условиях вышеназванных факторов и будет ключевым вызовом для журналиста сегодня. Для решения данной задачи необходимо тесное взаимодействие с учеными-историками, а также более глубокая, комплексная подготовка журналистов-просветителей.

Список литературы

1. Рябова Л. К. Историческое знание и проблемы социальной ответственности журналиста /Л. К. Рябова // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения : матер. 51-й международной научно-практической конференции (19-20 апреля 2012 г.) / [отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко]. – Санкт-Петербург, 2012.
2. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины / В. А. Сидоров, С. Н. Ильченко, К. Р. Нигматуллина. – Санкт-Петербург, 2009.
3. Указ Президента Российской Федерации «О создании фонда «История отечества» № 163 от 06.04.2016 г.

Наши авторы

1. Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань, aulova83@mail.ru

2. Гладышева Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, svetglad@mail.ru

3. Грабельников Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, Москва, grab@mail.ru

4. Дьяков Дмитрий Станиславович, директор Издательского дома ВГУ, заведующий лабораторией региональной журналистики Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, dm.dyakov@inbox.ru

5. Иванов Анатолий Иванович доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Россия, Тамбов, Ivanov_ai@bk.ru

6. Козлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, garfiledcat2010@yandex.ru

7. Колобов Владимир Васильевич, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, vvkolobov2015@yandex.ru

8. Кройчик Лев Ефремович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, husjourvsu@yandex.ru

9. Пастухова Белла Петровна, аспирант Академии Медииндустрии, Россия, Москва, france.bella@gmail.com

10. Страшнов Сергей Леонидович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, рекла-

мы и связей с общественностью Ивановского государственного университета, Россия, Иваново, sstrashnov@yandex.ru

11. Тертычный Александр Алексеевич, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва, tertaa@yandex.ru

12. Тулупов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, vlvtul@mail.ru

13. Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Воронежского государственного университета, Россия, Воронеж, khorolbox@mail.ru

14. Штепа Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва, victorshtepa@gmail.com

Оглавление

Вместо предисловия.....	3
Наиля Байбатырова. Проблемы российской истории в публицистике русских эмигрантов второй половины XX века.....	8
Светлана Гладышева. Октябрь 1917 г. в публицистике А. И. Куприна.....	13
Александр Грабельников. Становление Народной журналистики.....	8
Дмитрий Дьяков. Пропаганда как порождение массовой цивилизации.....	24
Анатолий Иванов. Советское прошлое в современных СМИ.....	29
Наталья Козлова. На дальних подступах.....	34
Владимир Колобов. Литературно-общественная позиция журнала «Новый мир» 1958 – 1970 годов в оценке А. В. Жигулина.....	40
Лев Кройчик. Весьма своевременные «Несвоевременные мысли».....	45
Сергей Страинов. Традиции просветительского посредничества в отечественной журналистике последнего столетия.....	49
Александр Тертычный. Журналистика советская и журналистика современная: опыт сравнения.....	53
Владимир Тулунов. Валентин Катаев – журналист и редактор..	64
Виктор Хорольский. Публицисты США 1910–1920-х годов о революции 1917 года в России.....	68
Виктор Штена, Белла Пастухова. Специфика отражения истории России в научно-популярных печатных СМИ.....	73
Наши авторы.....	76

Научное издание

1917–2017 гг.: УРОКИ СТОЛЕТИЯ ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТОВ

под общей ред. проф. В. В. Тулупова

Корректоры: Т. П. Коновалова, А. М. Князева

Подписано в печать 24.11.2016 Формат 60x84 1/16

Гарнитура Minion Pro

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 2,28 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет

Факультет журналистики

394068, Воронеж, ул. Хользунова, 40-а

Тел. (473) 274-52-71, vlvtul@mal.ru

Отпечатано в типографической лаборатории
факультета журналистики ВГУ